

МИХАИЛ БАЗАНКОВ

ЗАПОВЕДНЫЙ КРУГ

ПОВЕСТЬ

Город едва заметными силуэтами прорастал — выпутывался — из ночного тумана. Посреди дворовой свалки в поисках еды бомжи воевали с настырными собаками. Над ними через раскрытые окна перебранивались безработные соседи. А с другой стороны из-под забора бывший сердобольный блюститель порядка ловко рассовывал жаждающим любителям горячительного “конфискат по договорной цене”. В парке тренькала расхлябанная гитара. Возле станции ухал маневровый. Гулко громыхал внутри железнодорожного моста над Волгой лесовозный порожняк, устремленный на восток за древесиной.

Этот грохот на рассвете опять разбудил давнее детское желание убежать куда-нибудь... Прошедшей зимой по ночам иногда думалось о летней дальней дороге, о возможности хотя бы прокатиться на вагонной тормозной площадке до первой случайной остановки, сойти без колебаний в настроенную глухомань, обрести свободу и шагать, шагать, ритмично повторяя: “Не грусти, дорогой... Ты еще молодой... Не ходи стороной... Есть должок за тобой...”

Каждое утро именно так в меланхолическом одиночестве Григорий повторял наставление практичной квартирантки. Другой бы в его положении благодарил судьбу за соседство, благодарил мягкий, вкрадчиво нежный голос за нарушение угнетающей бобьельской тишины. Да, появились новые звуки,

БАЗАНКОВ Михаил Фёдорович родился в селе Медведка Костромской области. Окончил Костромской пединститут и Высшие литературные курсы. Автор трёх романов, сборников повестей и рассказов. Почетный гражданин города Костромы. Заслуженный работник культуры. Секретарь Союза писателей России. Живёт в Костроме.

шорохи, даже мелодии. Стоит ли терзаться стыдливими размышлениями? Радуйся, считай мамино квартирное согласие последней заботой о сыне. Ты теперь не один будто бы, есть внимательная соседка Наташа, постепенно обозначающая какие-то свои замыслы и права.

Складывался новый домашний порядок, светливый ритм жизни. Получались дежурные встречи и расставания. Наташа в командировке — он скучает, должен скучать. Сердце скуку не заказывало, а надо демонстрировать. И ждать положено: когда, в какой час радостная и шумливая явится, чтобы его осчастливить букетом тюльпанов в высокой вазе под низким потолком условно двухкомнатной квартиры, новой музыкой и вином из шикарной коробки с краником, чтобы театрально повторить восторг по поводу промедления с установкой новой двери под звукоизоляцией: ну их, эти евроремонты, капитальные двери, решетки, хитроумные замки...

Соседка обладала способностью сохранять безгрешный вид, кротость и благонравие, иногда демонстрировала эффектную вспыльчивость, но не капризничала. Она умела меняться в терпимых пределах, не спешила с упреками и нравоучениями. И держала необходимую дистанцию, чтобы не докучать. Солнечным воскресным утром просыпалась рано, в розовом, преднамеренно распахнутом халатике выбегала на лужайку под окном, изборажала желание взлететь, казалась юной, легонькой. А в дождливую погоду долго не напоминала о себе — ждала, когда он спросит про самочувствие и настроение. Бывало, чтобы разгонять меланхолию, включала ритмическую музыку, взбадривала себя разрекламированной гимнастикой, может быть, надеялась, что и он присоединится, но этот прием тоже не срабатывал — “старейший душой и занятый только собой” не отзывался, он ценил только собственные естественные намерения. И все-таки именно для него иногда она двигалась в томном изяществе, демонстрировала свои подновленные косметикой достоинства — ловко взглядывала округленными синевой карими глазами, будто бы что-то шептала сухими губами, выстраивая на лице выражение смиренной печали...

* * *

Этим летом, как и прежде, вечером и утром Григорий вспоминал давнее гулянье за рекой, еще надеялся на примирительную встречу... Конечно, не в своей проектной конторе и даже не на улицах этого города. По утрам суетливо собирался — в намерении прогуляться резервировал целый час до начала рабочего времени. Потому слышал предупредительные вздохи за плотной дверью, иногда бывали упреки: “Гриша, не спеши! В нашем распоряжении сорок минут, поъем согласно кофейку”. Раньше иногда задерживался. Но всему бывает предел, решил остепениться, взять себя в руки: сколько можно потакать чужим желаниям. Теперь демонстрировал занятость, уходил молча. И начал наслаждаться обретаемой свободой.

На первой половине пути погружался в настроение равнодушного созерцания. Неуютным проулком под повторными плакатными призывами бороться за новый быт и санитарную культуру согбенно пробежал и вдруг взбодрился этот необщительный жилец Нового поселка. Его здесь знают давно по матери, но теперь к нему не проявляют особого интереса. Да и другие обособленно мрачноваты. Вокруг магазина “Авто-Рим” уже толпятся неугомонные искатели не предметов роскоши, а запчастей к средствам передвижения. Дымчатость волглого утра лишила озабоченные лица индивидуальных отличий. Да и сам он чувствует себя безликим, но имеет сочувствие и готов успокаивать всех объединенных ожиданием дребезжащего автобуса. Нервические люди не умеют молча терпеть и ждать, равнодушные друг к другу, они возмущаются сообщая до звона в ушах. А после бойцовской посадки этот звон дополняется жестяным скрипом и дребезжанием распертого автобуса. Спасительно отозвалась в памяти давняя частушка под гармошку: “Милый в армию поехал далеко за озеро. Погода тихая стояла, только подморозило”.

В это утро на пути до знаменитой пожарной каланчи не хотелось гля-

деть в окно, а когда людской волной вынесло из автобуса, освежил ветерок с Волги, свободно вздохнул и огляделся. Напротив торговых рядов по скверу спешно прошла женщина в забрызганном малярным разноцветом комбинезоне. Подумал: вот так спешила каждый день самая родная на свете, тоже на обе стороны из-под белой косынки топорщились жесткие седые волосы. Именно такой видел маму в последний раз. Она оглянулась, помахала ему новыми рукавицами — прощалась. Получилось, навсегда, будто знала о том, что сорвется с лесов. Думала, наверно: сын большой, взрослый, при дипломе, и квартира теперь для него заработана — не пропадет, только женился бы поскорей.

По асфальту ветряная метла гоняет стаю тяжелой листвы, словно хочет закинуть обратно на деревья, еще густо зеленеющие. До яркой осени далеко, еще середина августа. Дети на отдыхе у деревенских бабушек. Самые смелые и закаленные мальчишки купаются каждый день до посинения. Девчонки на берегу поддерживают для них костерок. Бывало, бывало так и в детстве и в юности. Для других повторяется, а собственное лето отзвонело, и осень собственная уже пришла.

Григорий привычно свернул в проулок — между заборами мог пройти не глядя: ноги сами найдут наоптанную тропу, она продиктует походку. Эх, боровой бы тропинкой пройти, там походка другая получалась. Верно, походка многое может сказать о человеке; а про женщину — особенно про такую, как Наталья, почти все. Характер ее выражается в порывистых, напряженно-угловатых движениях — так думал не только потому, что работает с ней в одной мастерской проектирования отдельных сельских объектов, но в обо-собленных наглухо отделах. Когда хлопнул парадной дверью, в проходной строго напомнили: “Благовестников, опять пишу опоздание на три минуты!”

В гулком коридоре кто-то посторонний читал стихи по стенгазете:

— Кричишь: уйди, исчезни! Может, раствориться мне? Ты, верно, этого хотела, когда меня звала во сне? Ну что ж, уйду, — исчезну. Но раствору свое окно. И позову тебя — ты не была давно.

“Что это, как попали сюда эти пробные строки с промокашки, спрятанной вчера под ватманом? — Григорий вспомнил вечернюю забаву и тут же определил, кто способен на коварную наблюдательность: — Сыромятников, только он, никто другой. Наверняка и авторство лукавый обозначил. Точно. Вот скотина!”

— Да ты, земляк, поэт! — сказал читающий с приветливой улыбкой. — Здравствуйте! — Григорий ответно кивнул, уходя, оглянулся: где-то видывал этого парня очень давно, еще в пору мальчишества, конечно, видывал его — зрительная память никогда не подводила. Надо бы спросить: не бывал ли он в Заречье. Может, и в самом деле один из тех, с кем играли вместе, купались в одном омуте, по одному бору ходили — в одной деревне были на каникулах. Интересно теперь что-нибудь общее вспомнить.

— Победитель, привет! — размашисто обогнал его заядлый футбольный болельщик Сыромятников. — Каково ночевали? Сколько новых замыслов несете, сэр?

— А за своё изобретательство не хочешь получить?

— Не получится. Времени нет для разборок. Тебе от главного доставлено пожелание. Знаешь, какое? Ускорить. Поспешить. Сейчас нам втыки будут раздавать.

— Было бы за что. Не наши руки деревню уронили, не наши чертежи поднимут.

Сыромятников хихикнул и присвистнул. В мастерской тоже встретили хихиканьем. И перегородка не спасала — слышался сдержанный смех и шепоток. Григорий, не желая выглядеть обиженным, начал записывать случайные мысли. “Судьба с неба не падает, она складывается из мгновений жизни, которые все-таки подвластны разумному и волевому человеку, когда он может подчинить чувства решениям трезвого рассудка. А что еще, какие нужны условия? Как понять, защитить самого себя от своих собственных слабостей? На чью поддержку опираться, в чьи глаза доверчиво и глуповато смотреть? Чего желать, стремиться одинокому к чему? И где же то простран-

ство, самое уютное, подходящее для тебя? Откуда прилетает по ночам зовущий голос единственной в мире девушки? Где она теперь, думает о ком?" Сам себе придумал вопросы и начал машинально повторять привычный рисунок — запахнутое окошко обрамлено белыми резными наличниками, колыхнется легкая полотняная штора, украшенная красной вышивкой, какой-то цветок в глиняном горшке стоит на подоконнике, маленький голубенький цветок, а в верхнем стекле отражаются бегущие облака, с обеих сторон за кружевами наличника тянется, ползет по стене веселая зелень вьюнка.

— Живет моя красотка в высоком терему, а в терем тот высокий нет хода никому. — пропел за плечом надоедливый Сыромятников. — У меня все проще: окна разинув, стоят магазины. А там — колбаса и девчонка-краса. Ну, закатали рукава, отключайся голова. И — тишина! Начали, — командует по праву должностного старшинства. — Прошу имеющих собственное мнение молчать во время моего доклада и после. Итак, дружно имитируем согласованную бурную деятельность.

Старательно склонились лукавые особи отдела, готовые встретить начальство всеобщей творческой увлеченностью, прислушиваясь, считали шаги. Высоченный Иван Иванович широко распахнул двери, чтобы показать между косяками, словно в багетной раме, свой новый темно-синий костюм, яркую зеленую рубашку и красный галстук. Не было никаких вопросов, никаких претензий, указаний в порядке подготовки под "втыки".

— Пронесло! — Сыромятников потирает руки.

Но дверь распахивается снова — для второго показа:

— Благовестников, зайдите ко мне в четырнадцать тридцать. И ни минутой позже. Времени в обрез. — Он блеснул желтым браслетом, взглянул на электронные часы. — Народ сегодня ополчился, из районов штурмуют. Титулы не успеваем оформлять.

Любопытство сослуживцев было подогрето предположениями: зачем пригласил? Неужели через спецзадание готовит повышение Благовестникову? Или разговор тет-а-тет по поводу личной жизни? Или трудная беседа с одним из сторонников усадебной комплексной застройки, деликатный намек непременно выступить по теме в духе времени перед областным руководством, но не слишком чтобы размахисто? Или обкатка новой идеи?

— Братцы, намечается какая-то расплывчатая перспектива, — жарко шептал Сыромятников. — Причем надо учесть, что авансовые затраты государства придется чем-то ответно компенсировать по всей территории. Средства индивидуальных застройщиков на возведение усадебных домов по воде вилами писаны. Куда ни кинь — везде клин, а хочется покрасивее. Имей в виду, Гришаня, наш главный создаст видимость дискуссии для собственного самоутверждения. А твои замыслы, идеи выдаст, где следует, за свои. Тебя объявят виноватым противником. Со мной такое бывало проделано.

— Все знаешь, все испытал. Почему растешь медленно?

— И другим надо. Потому советую: говори осторожно. Так, например: не являемся ли мы свидетелями очередного перекоса, каких нашей провинции немало досталось?.. Понял, молодчик, чем надо его останавливать, если пойдет волевой нажим?

Но предостережение не потребовалось. В назначенную минуту знающая себе цену секретарша открыла, точнее, деликатно приоткрыла высокую дубовую дверь:

— Входи, выкрикивал уже, — успела шепнуть.

Начальник хмуро разглядывал листок из школьной тетради в клеточку.

— Вот, слезно просят отпустить на недельку-другую. Ты что же, сам не можешь поставить вопрос перед руководством? В счет отпуска попросил бы заявлением.

— Я... я не знаю, — замешкался подчиненный, вспомнив о длительной командировке Натали, способной на выдумки. — Я ничего не знаю. Может, с теткой что стряслось. Она единственная у меня, Глафира Степановна.

— Не притворяйся, наверняка сам подсаживал, вот и пишу. Директор молодой, шумливый по неопытности, поскандалил тут и убежал не попровавшись, а потом вернулся — говорит: письмо, пожалуйста, земляку передайте.

— Какому земляку?

— Ты себя и земляком, значит, не считаешь?

— Родственница есть в Приветлужье. Мать моя родом оттуда.

— Ишь, как неохотно признаешься, — начальник, не поднимая осветительной головы, движением руки велел сесть в мягкое кожаное кресло, которое не всегда предоставлялось входящим рядовым сотрудникам. — Читай, читай письмецо, тебе адресовано, а заявление от директора — для меня. То же тебя касается.

Адрес на конверте краткий: “Грише от тетки Глафиры”. Письмо мелко вздрагивало в руках — давний голос в листочке дрожал. Григорий почувствовал себя так, словно бы только проснулся, вот спал слишком долго, навсегда забыв обо всем на свете, и вдруг его разбудили радостной вестью. “Добрый день или вечер. Дорогой мой и долгожданный Гришенька. Про тебя спрашивают. А вестей от тебя нет и нет, на что и подумать. Елисей с Анютой приходили, советуют вызывать”. Дальше — привычные слова о погоде, дорогах, домашних и общих деревенских делах, кто куда уехал, кто вернулся доживать после дальних передыг. “Здоровьем еще ничего. А надо бы повидаться. Ежели не приедешь в эту осень, тогда уж приезжать будет незачем. Не должно быть больше твоей обиды и упрямства. Тебя ждут с чистой совестью, по сердцу. Ожидания эти с той стороны, куда ты давно был обозначен. Догадывайся. И я сама пока остаюсь ждать с двойной надеждой. Со дня на день, с часу на час”.

Иван Иванович вскинул просветленную лысую голову и смотрел добродушно:

— Значит, варианты невозможны. Поедешь немедленно. Гляди там, с директором по нашим интересам надо встретиться. Капризный, шумливый, а деловой мужик. Прав он, конечно, прав, но торопится, не хочет считаться с временными трудностями, ждать точных указаний свыше. Починок, понимаешь, ему надо обустривать в современном духе. Особые проекты, привязки нужны. Сделай прикидку, местность тебе знакомая. Пофантазируй, думай, считай. Разложи доказательно.

— В порядке утешения, что ли?

— Не только. Требуется мужик. По главам собирается — и пойдет. А мы проявим персональное внимание. Упредим события.

— У меня нет документальных полномочий. Что могу пообещать конкретно?

— А ты рисуй.. И сочетай приятное с полезным. Возьми командировку. Пару недель хватит? Будет мало — продлим. — И вот чудо: подмигнул весело Иван Иванович. — Не потеряется твоя Верховенская, не засохнет. О работе думай, о будущем страны.

— Но наша архитектурно-строительная мастерская только меняет ориентиры, — Григорий уклонился на производственную тему. — Занимаемся кое-какими объектами, лишь мечтаем победить несправедливые взгляды на периферию.

— Понимаю, понимаю. Начитался новых журналов, мечтатель. Давай, дуй за билетом. — Иван Иванович встал, скрепил рукопожатием пожелание счастливого пути. — И взором медленным пронзайте ночи тень, вздыхая о ночлеге, ищите огоньки последних деревень...

* * *

Под настроение виделся этот дом, самый уютный на свете из тех, в каких приходилось бывать. Обыкновенная деревенская изба, но единственная, особенная, зимой часто снилась. Бывал в ней редко, а помнится каждая ступенька высокого крыльца, каждая широкая половица в горнице, каждый древесный чудо-орнамент в переборке — они похожи на чудные цветы, с которых он получал первые уроки рисования. В любое время дня и ночи можно перечислить все, что было видно давним солнечным утром в передние распахнутые окна: мама в пышной белой кофточке с короткими рукавами сча-

стливой отпускницей ходит между теткинскими грядками, выглядывая скоро-спелые огурчики; цветущая картошка и душистая земляника; кукарекающий на заборе петух с золотисто блестящей грудью; желтенькие утята, млеющие на лужайке после купания в корыте; степенная тетка Глафира в нарядном ситцевом сарафане возле калитки отвечает на вопросы назойливой девчонки про очередность катания на лодке; в просвете между домами фиолетовая рябь реки; костерок на песке и мальчишки, прыгающие вокруг. И он, Гриша городской, между ними — он самый, давний, нынешнего угловатостью напоминает.

Совпадения случайностей или особая закономерность привела сюда? Преодолев путевые мытарства, поднямался на крыльцо. Мокрый, грязный по уши, но радостный и ошалелый, словно беглец, ощутивший долгожданную свободу. Обласканный сбивчивыми словами хозяйки про ожидание, печальное житье, погоду и дороги, сидел в удивительной тишине за большим семейным столом напротив окна, из которого видно всю мрачно-тихую старую деревню с широкими просветами между домами. Сидел будто в ожидании: выйдет кто-нибудь на улицу или посмотрит из окна на дорогу, узнается издалека или не узнается. Будто ветерок частушку принес: “Милый в армию поехал далеко за озеро. Погода тихая стояла, долго не морозило”. И другая повторилась: “Раньше было, выйду-выйду: то к тому, то — к этому! А теперь я выйду-выйду: приласкать-то некому”.

Оказаться бы опять вдвоем в сосновом бору. Солнечный свет, пробиваясь брызгами расплавленной меди, разлетится от стволов искристыми пучками, выстроит на миг радужные шары. И в одном из них скажет она: “Это наш заповедный рай, вход посторонним невозможен!”. Почувствуется медленное кружение. Сколько времени протекло — не знаешь, и сколько прожито, пережито — не помнится. Много ли еще дано жить — не думается, словно нет для тебя начала и не будет конца. Испытаешь счастье в том, что жив, нужен, как же иначе; если тебя позвали — значит, мир без тебя не может обойтись, значит, есть предназначение для твоего сердца и разума. А если ты сам виноват в том, что оказался в собственном сумрачном лесу и некому окликнуть?

— Говорила я тебе, Гриша мой родной, — Глафира повторила незабытое свое рассуждение. — От предначертанного отмахнешься и никому больше не приглянешься. Понесет мутной водой суеты будто щепочку, если не спохватишься, не вспомнишь бывшее хорошее. А ты забывать стал сторонушку, где ждут с чистой совестью и по сердцу. Ой, сама-то запомнила, — спохватилась она. — Перевоз нынче держу. С той стороны людям пора — из райцентра от своего совещания учительницы возвращаются. Заказывали переправу. Там у мостков наша лодка причалена. Сразу и дело нашлось — не откажись.

Памятной ступенчатой тропинкой бежал с крутого берега, чувствуя свободную легкость и силу в каждом прыжке, в каждом крылатом взмахе рук. Колыхнулись перекошенные мостки, влажно звякнула накинутаая на столбик причальная цепь, будто бы лодка облегченно вздохнула после томительного ожидания, и само собой склонилось к воде отполированное коричневое весло. Все было повторением давней подготовки к самовольному плаванию. И волнение мальчишеское охватило дрожью. И дальний перекаточный гром повторился над заречным бором. Белесый пойменный луг казался весенним разливом, по которому давным-давно молчаливо плавали с ней вдвоем. Аня словно боялась тогда и просила: “Не спрашивай, не говори ни о чем”.

— Ждут с чистой совестью и по сердцу, — повторил Григорий, отглатываясь багром от берега. — С часу на час, с минуты на минуту.

Перешагнул на корму через положенный поперек лодки багор, ловко уселся и, взглянув на пологий противоположный берег, определил, в каком направлении, как упруго надо плыть, чтобы получился кратчайший перебой — бывали раньше такие соревновательные переправы. Длинное весло оказалось выстроганным настолько удобно, что руки сразу почувствовали меру, направленность загребных усилий. Подумал, что и тут требуется расчет, чертежная точность. Так умело и сильно никогда в жизни еще не плавал

с одним веслом. По весеннему разливу гребли двумя веслами — согласованно с Анютой. Одинокое весло волшебным образом передает хозяйкино мастерство, подумал он, вообразив себя гонцом, похожим на того, с картины Рериха, который спешит к отдаленному поселению. Теперь мысленно видел себя как бы со стороны; даже чувствовалось поблизости движение другой лодки, слышно было тяжелое дыхание другого человека — гонца. “Надо править выше того места, куда нужно, — повторил тот, другой, и тоже спешил в тревоге, будто вот опоздает он на несколько минут, может быть, на одну минуту, и тогда уже не останется никакой надежды, ничего нельзя будет исправить в жизни. — Надо рулить всегда выше. А жизнь подправит все равно, несет. Если высоко держишь руль, обязательно доплывешь, будешь там, где нужно, в назначенный час, приглядишься и приглянешься”.

Но считающие минуты и секунды спортивные указатели времени на левой руке свой счет вели без волнения — деликатно напомнили: еще половина пятого только. Автобус доберется по разбитому асфальту до развилки не раньше пяти. Эх, скруглить разочек, прокатиться, что ли! Лодка легка и послушна. И дышится вольно. Раз-два, поворот-разворот — и обратно к крутому родному берегу, словно забыл чего или не успел сказать что-то важное не для себя одного. Ладно, поворачивай обратно, плыви, куда собрался с волнением. Понятливая лодка легка и послушна. Гонца должен знать, куда и с какой вестью спешит. И — новый поворот судьбы? Кажется, так сказал при встрече романтически настроенный директор — хозяин этих мест Алексей Новиков. Теперь повсюду таких настырных ребят не хватает, а среди проектантов все больше Сыромятниковы — ловкие на приспособление, им только срок укажи и смету обозначь, тут же привяжут свои давние чертежи к чужой задумке — и получайте новый проект. “Да что ты прицепляешься?!” — повторил чужой упрек и зацепил веслом перекатные водоросли. Значит, к другому берегу причаливать пора. Высоко подниматься не надо, вышагни на песчаный откос и почувствуешь, что ты уже на своей земле под спокойными небесами.

Редкие облака быстро сомкнулись, начали разбухать. Ветер прошуршал осокой, кудрявил серебристый ивняк. Кольхнулся, покрылся волнами пойменный луг, дальний бор помрачнел, нахмурился — выползающая туча тяжелыми бровями нависла над былыми корабельными соснами, теперь они слились в огромную крепость, будто бы вставшую на защиту жилой деревенской стороны. Над ней грозно шумели невидимые силы, этот шум то превращался в тягучий гул, то раскатисто ворчал, и будто бы огромное чудо-юдо грызло железную кровлю, высекая радужные веполохи. Надвигалось что-то небывалое с глухим гулом, всевластное и очистительно освежающее. И все на земле, затаив дыхание, было готово принять неминуемое и освободительное очищение. Вспомнилось: река ураганы сдерживает, грозные тучи дробит над собой и только необходимый долгожданный дождь до пашен и покосов допускает. Но вдалеке неподвижное небо все еще хмурилось, наливалось свинцом, словно напряженно затаивалось, готовясь непроглядной ураганной чернотой преодолеть охранительную реку.

Перед стихией Григорий ощутил себя одиноким и забытым. Никто не окликнул. Ни в деревне, ни в городе сама природа не признавала его присутствие, даже здесь вольный ветер обходил стороной, не желая освежать дыхание. Душно было, а холодная дрожь прошла по всему телу, и он готов был кричать детским голосом, словно заблудший в чащобе на бывших полях, словно не мог понять, откуда пришел и куда идти дальше в частом мелкоколесье. Какой-то звук прерывистыми волнами докатился до него по новым кустам пойменной низины в том направлении, где раньше тропинка была вдоль берега. Напрягся, прислушался. В повторном крике звонкий голос казался знакомым — раньше так девчонки перекликались: “Ой!” — “Кто с тобой?” — “Я одна”. — “Что с тобой?” — “Влюблена”. Ветер приластился к деревьям, пригладил реку, белесую пойму и затих. Польшнула широкая горизонтальная молния... Напряженная, словно безжизненная тишина стояла несколько секунд в ожидании грома. Для начала он пророчал, вяло просыпаясь, но вдруг содрогнулось все вокруг. С небесной колесницы грозно раскатились невидимые каменные глыбы, а одна из них словно бухнулась в омут.

— Мама, где ты?! — от деревенского взгорья кричал мальчонка.

— Миленький мой, я с тобой! Видишь, мой хороший, я бегу домой!

Она действительно бежала во весь дух. Под космами дождя желтая куртка, взвихренные светлые волосы раскидывали блики по земле и небу. Григорий издали узнал, почувствовал: это Анюта. Она торопилась от грозы, но казалось, что к нему.

Он с разбегу вскочил в лодку, едва удержался на ногах, багром оттолкнулся из причальной заводи, чтобы подрулить для Анюты к удобным сходам. Только положил багор, намереваясь веслом справиться с течением, вихревым порывом подхватило верткое суденышко, вынесло на быстрину, водоворотом начало крутить. Вот и показывай класс, управляйся одним веслом. Раз, два, три-четыре! — коротко и сильно загребает он.

— Не торопись, Гриша. Не торопись — опрокинемся.

Переживает. Пожалела? Советует и еще утешает. И ждет. С чистой совестью и по сердцу? Может, это Глафирины выдумки — желаемое за действительное... Вот голова садовая, за несколько минут всякое наплести успела. А сердце чего торопливо выстукивает под напряжением или от волнения? Разве ум и сердце не в ладу? Рассуждай, рассусливай, а она промокшая там коченеет.

— Не спеши, говорю, — будто совсем рядом она. — Не дождит. За деревней солнце проглянуло. Ой, какое ласковое!

Точно, ее там уже ласкает светлое марево. А в тени под крутым деревенским берегом синева туманная кольшется. С каждым гребком — все ближе к теплому мареву, холодный волнистый туман уже не цепляется за спину. Получилось упругое, стремительное движение. Река словно бы остановилась, замерла, давая ему возможность быстро прорваться из темноты к солнечному берегу. Аня, приложив кулачки к груди, переживая за него, ждала. В мокром сжимающем комбинезоне казалась совсем юной.

— Не волнуйся, Гриша. Я — крепкая, закаленная. Помнишь, тогда весной?

— Помню. — Он догадался: она повторила давние слова из того прощального разговора, когда всю ночь просидели возле костра.

Плоскодонка наискосок ткнулась в глинистый холмик, укрепленный осоклой, шаркнула бортом по траве и дважды качнулась: было, было. Мелкие волны отбежали под наклоненную ветлу, там их распрямило, разгладило упавшими желтыми листьями. Весь мир остановился: не шелохнется ни единая ветка, не промелькнет птица, не плеснется рыбешка, даже новая серебристая паутина прямолинейно замерла между кустами.

— Слава богу, гроза отступила. Теперь спасены, — едва слышно проговорила Анюта и, комкая в руках косынку, склонила голову — стеснялась своего вида в мокром комбинезоне, или солнце слепило.

— Мы сейчас с тобой. Мы переправимся. Только не бойся.

— Я и не боюсь. Только ноги устали. Пятку натерла. — Она села на кромку берега, сдернула сапоги, осматривает левую ногу. Такая доверчивая, смешная, естественная и говорит просто. — До свадьбы заживет. Я тоже буду грести, как тогда. У меня здесь была спрятана хорошая досочка. — Она, отыскивая заранее припасенную рейку, взглядывает на Григория и почему-то смеется — так раньше смеялась, будто ничего не изменила жизнь.

— Ма-а-ма! — кричит с высокого берега мальчишка.

— Олечка, тут я. Не плачь, родненький. Видишь меня с бугорка? Если нет, на крылечко поднимись. Дедушку позови, он тебя придержит. Стой там, сынок. Смотри, как мы плывем, я буду аукать, а ты отзывайся.

Отчалил резким толчком против течения, чтобы набрать стремительный ход, дружно загребали с обеих сторон — так однажды в весеннюю пору они правили лодкой. Григорий вспомнил, что река теперь другая, Аня изменилась, конечно, да и сам уже не юноша, столько лет промелькнуло — это время было посвящено неопределенной жизни: расстались — по пустякам сорвались начали, по разным городам на ученье разъехались, чтобы чего-то друг другу доказывать. Аня и тогда была права — уверенно сказала: “Все равно когда-нибудь домой вернусь”. Он чувствовал, она понимает неуверенность его по-

ведения, не глядя, видел румянец на ее щеках, влажную голубизну взгляда. Они плыли согласованно. В каждом загребном движении угадывалось ровное совпадающее дыхание — и это смущало. А тут еще старик Елисей окликнул: — Где вы там? Скоро ли? Мальчонка по матери скучает.

* * *

Над колокольней в безоблачном небе сбивчиво кружат вороны и галки, раньше ласточки да стрижи резвились. А тяжелые птицы медлят, отдохнут на берегах и снова рассеиваются по всему простору, зависая, разглядывают происходящее в каждой деревне. Иногда исчезают за рекой, за лесом и через некоторое время вновь возвращаются кружить. Тревожит загадочное птичье молчание.

Река тоже тиха, медлительна, хотя полноводна. Может быть, спокойной кажется только поверхность, потому что утонуло в омутах лазурное, без единого облачка небо. От берега легким дуновением теплого ветра отвело несколько свежих щепок — плотники новый причал сколачивали в наивном ожидании белого парохода.

Раньше действовал постоянный перевоз. Деревянный паром, способный выдержать грузовик или трактор да десяток человек, перетягивали от берега к берегу, ухватываясь руками за канат. Подростки ради катанья и купанья помогали паромщице Глафире. Всем тут было хорошо. Когда насильственно соединили два северных района, мелкие переправы нарушили как нерентабельные, общую оборудовали вдалеке на пограничье. Дороги пришлось приспособлять под переустройство, кое-какие временки торили — пути пеглытые для техники, нервогрена ездокам. О том и рассказывал Григорию новый хозяин, происхождением из этих мест Алексей Новиков. Пришел на берег по хозяйственным интересам и убедился, что художник толково определился для живописания местности. Отсюда, от реки, как на ладони видно Доброумово, невдалеке синее нестройный порядок домов Глафириной Лысаковки, на взгорке новым домом обозначен будущий Починок на месте бывшего, начатого в начале века.

Здесь и началась этюдная композиция. Обозначена даль расплывчатым размахом лесов, отчетливо светится колокольня, за ней уютно стоят вдоль берега бодрые, разноцветно сфантазированные дома под новыми крышами, слева над речной гладью едва намечен прогнутый подвесной мостик, он перетягивает взгляд к Заречному бору. Невелик этюд, но очень много умещается в нем: приглядишься — увидишь родину, такой она снилась. И земля, и лес, и река, и деревня, и незабываемые люди — все самое главное соединяется. Человек мечтательно размышляющий сидит на бревне. Девушка медленно идет к нему. Просто, несколько переливчатых мазков, а людей уже видно, настроение каждого чувствуется. Все зависит от того, как смотришь. О чем думаешь в этот миг? Смотри, смотри, там пролетают серебристые нити паутины, птички-синички игриво порхают в кустах, качается возле осоки голубая плоскодонка. Всего один мазок — лодка закачалась. На самом деле сейчас поблизости ни одной лодки на воде, мостика подвесного никогда не бывало. Но воображение дополняет существующее таким образом, чтобы возникали желания, мечты и надежды.

Благовестников отстранился от работы, глядит в другую сторону, определяет контрасты колоритного состояния, проверяя цветовую восприимчивость зрения — кто сам писал этюды, тот знает разные приемы обострять свой взгляд на мир, выстраивать зрительной памятью виденное давно, в другой дали, чтобы возвратиться к испытанным ранее ощущениям. Он вспомнил ушедшее в небытие мамино село Отрадное, увиделось распахнутое окно. И девушка на лугу собирает ромашки.

Хозяин — рядом, что-то удерживает его на этом берегу. Поджидает завершения начатого этюда, выбирает подходящий момент для продолжения разговора? Григорий тоже медлит с вопросами о возможной перспективе, глядит в новые дали. Подсыхает ватман под окончательную прописку. Слы-

шится нарастающий гул тяжелой техники. От нового причала доплывает тонкий сигаретный запах. Надо бы написать и эту “пристань”, и отдыхающих плотников на фоне убранного ржаного поля со скирдами соломы. Куда ни взглянешь — всюду новая композиция, особый колорит, настроение и смысл. Только заброшенные дворы не вписываются ни в какую композицию.

Директор понимает проектанта:

— Такие постройки не для живописи. Вот склад — времянка эта и зрение и душу царапает.

— Подсобное строение вид не портит, — отозвался художник. — Без таких в деревне не обойтись, все должно быть в комплексе.

— И о том наша речь, Григорий. Вы, проектанты, архитекторы, художники деревню будущего на обжитых местах сочинять должны. По наследству, на старом месте. Лучшего не подберешь. Каждому дому наши мужики толковое место определяли. Без научных расчетов, без дорогих изысканий и чужеродных проектов. Вот так же, с чувством и мечтой, как живопись вообразил, сотвори на бумаге наш новый Починок. Общий перспективный вид. А потом — привлекательную особенность каждого дома, каждой постройки. Даже стоянка для техники чтобы созвучно вписывалась. Даже свинарник. Или вот склад удобрений. Давай-ка, сотвори такую деревню чтобы самим в ней радостно было жить, чтобы человек со стороны завидовал! Чтобы она людей притягивала. Всегда надо проектировать как будто для себя. А то придумывали: нет будущего, черная дыра, рынокотрегулирует, Запад прокормит. Своим трудам нет перспективы...

— Говорят, нет смысла в дотациях отстающим. Рвется там, где тонко. На развале новое начинать — дорого обойдется. Да и не позволит нам никто вольные отклонения от стандартных проектов. Все с кем-то завязано хитровато.

— Пока еще окончательного развала нет — память жива. Корни еще сохранились. Возродиться надо применительно к местным условиям. Иного хода не придумаю.

— Кто будет строить? На чьи капиталы, если жилы вытянуты за десятилетия?

— Резонные вопросы. Мы сами — заказчики, генподрядчики в государственном деле.

— Область не знает точно, где, сколько и как строить, для каких жителей. — Григорий, понимая романтическую настойчивость директора, признается: — Не имеем даже образа новой деревни. Раскидали, втоптали старую. И фундамент не проглядывается.

— Его чувствовать надо. И люди нужны с таким чувством. Варяги свое начнут лепить, а оно не приклеится к душе и ландшафту; исторически не закрепится бытовой разницей. Не каждому объяснишь. А сверхзадача все равно нужна объединительная.

Григорий еще не чувствовал, не мог осмыслить эту сверхзадачу. Ему под живописное настроение хотелось зацепить проблему с эстетической стороны. Вот нужен особый вариант застройки будущего Починка. Чем располагает когда-то богатое, но растерзанное за два десятилетия хозяйство? — такой вопрос для продолжения разговора не только с директором. Можно бы традиционно, пользуясь тактикой сослуживцев, подпустить для пустопорожности дискуссионного тумана. Тут пригодился бы коллега Сыромятников — специалист по ИБД (имитация бурной деятельности).

— Сотни, тысячи раз повторялось в напыщенных дебатах: вопросы планирования на перспективу остро поставлены на всех этажах управления. Однако...

— Знаем, слышали. Но жизнь такова... — Алексей давно осмыслил былое, настоящее и будущее не только для себя. — Публицист один пишет: глубинными “бомбами” отстрелялись по русской деревне. И сам спрашивает: а зачем? Чтобы сознательно ослабить государство? Не так ли? Возможен и другой ответ: по собственной дури. — Он встал, оглянулся на тихое Доброумово, затем взором пошелся берегами вдоль реки. — И все равно думаем о новой деревне, хранящей лучшее из былого уклада крестьянской жизни.

ни. Другим путем нам из нужды не выбиться, в безлодые застынем и землю отцовскую навсегда забросим. Так вот, Григорий Иванович, рисуй смелее, что душа и любовь подсказывают. Польза. Прочность. Красота. Каждый дом — для любимого человека. Каждый дом — терем особый, с палисадником, огородцем, площадкой для ребятишек. И все они в едином ансамбле. И клуб, и чайная, и школа. Значит, планируем с мечтой и надеждой. Кто-то должен начинать. Для внуков и правнуков — с перспективным прицелом. Ясно и просто. Не живи одним днем, не живи только для себя — будет самому интересно почувствовать свою перспективу.

— Ясно и просто, — повторил Григорий и признался: — Позавидуешь. Но это по идеальному раскладу. А я долго бросал чечевичные зерна в игольное ушко.

— Бывало и со мной такое. Знаешь, тетка твоя, Глафира Степановна, так говорит: “Живите ясно и просто”. Да вот не получается. Чередой — проблемы, трудности, перестройки. Живем честно, стараемся, а значимся будто во всем виноватыми.

— Получается так, деревенщина — под насмешками. — Григорий меняет воду в банке, промывает мягкую колонковую кисть — готовится акцентированной пропиской переднего плана завершить этюд, склонился, будто дыханием согревает изображенную деревню. — Трудно переменить, разрушить стереотипы. Здесь другим себя чувствую. А кто мне сейчас поверит? — Он сам удивился неожиданному вопросу. — Кто поверит, что там, в городской квартире, уютно, впусую живется? Нет смысла. Дело по душе требуется. И чтобы семейный тыл складывался. Пора и так думать.

Низко пролетел размашистый пестрый ястреб, вдруг резко метнулся вверх и в сторону, набирая высоту, пронзительно вскрикнул. Хищный устремленный крик для каждой робкой птицы. Из-за реки отозвался другой пернатый хищник, он взлетел с высокого стожара, но тут же косо взял вниз, затаивая свой полет, нырнул под елку, и вот уже парит над старицей, разглядывая свое отражение вместо возможной жертвы, через несколько секунд широкой тенью от единственного облачка накрыло его отражение в зеркальной воде — изменилось освещение, и содержание пейзажа набирается иначе. Стая уток потянулась вдоль заречного озера. Ударил выстрел, чуть позднее — два дуллета.

— Палят опять. Понаехали хваты, управы на них нет, — ворчит подошедший Елисей Павлович. — Ты, Михалыч, определил бы какую угрозу на пришлых добытчиков.

— Не так всё просто. Не наш лес. Нет в лесу хозяина, и запретов нет.

— А мы, выходит, не хозяева, ежели в лесу без дров оказываемся! — Елисей Павлович осторожно спускается по уклону. На голове у него старый картуз, быть может, по давней купеческой моде. Суконная блеклая толстовка подпоясана узеньким ремешком. Сапоги густо пахнут детем. Поклонился. — Сегодня фартово одет. Для художника велено. Анюта достала старые наряды для такого случая, нарядиться велела.

Он смотрит из-под руки на картинку, другою плотницкий топор на плече придерживает. Рядом стоит, а смотрит будто бы вдаль, через акварельный пейзаж на округу любуется, тоже, наверное, обустроенной представляет.

— Даровито подано, — одобряет художника, вспоминая, как в детстве Гриша его рисовал. — Берегу твои писания. Мой портрет и портрет жены любезно разукрашены. Сам-то помнишь ли свои старания?

— Припоминаю. — Григорий в горделивой позе прицеливается, чтобы сделать еще несколько ярких акцентов. Горделивость фигуры естественная, рабочая.

— А Липандра моя слабеет. Ходовая была. Льноводка знатная, в одном звене с Глафирой. Теперь фотокарточку в музее вывесили. Голова додумался. Для него все важно. Такой человек наш, — старик похвалил директора и тут же к нему с напоминанием обращается. — Сказать велено: ждут мужики, Алексей Михайлович. Поди, принимай короба, ладны ли такие для загрузки зерна.. Причал тоже проверь. В случае чего, кликнешь — подправлю. Возле Гриши буду. Давно не виделись.

Новиков направился к плотникам: конечно, проверка требуется, и школьный ремонт директор должен контролировать. Елисей устраивается на толстом бревне, звучно хлопнув ладонью, определяет: не одрябло еще с весны до осени. Достал давний атласный кисет, вспомнил брата своего и разъясняет: на День Победы всем ветеранам школьницы поименно вышивали; для тружеников тыла внимания тоже хватило, отмечены за труд: сызмала трудились по взрослым нарядам. Теперь на всю округу в живых остались два трудовых орденосца — они с братом Петрованом, тот еще крепок, в заречном житье держится, механизаторы и лесорубы у него квартируют, дочери из городов наведываются изредка и внуков привозят — старикам в радость, оно и ладно.

Елисей выстраивал подход к Григорию по главной теме, выспросил о работе, сколько получает, на что свободные силы тратит, держит ли в порядке могилу матери. А задумка у него была и семейный вопрос ребром поставить. Пока осмеливался на меньшее, искал подходящий момент:

— Куревом теперь не балуешься разве?

— Раньше бывало, с дружками заодно. — Вспомнились былые упреки Елисея: “Вы, школьники-соколики, пороху не нюхали, а дымить за углом наловчились”.

— Папиросы у меня сегодня в кисете вместо махорки. Дай, думаю, для Гриши возмужу. Не сообразил, что работа твоя особенная, взгляд дымом туманить нельзя. Пишешь, значит, красоту — и смотри красиво. В хорошей работе так. Топором при папиросе тоже не станешь махать. Верно ведь, для того и перекуры устраиваем. Передохнем — и дальше перестук плотницкий получается. А пригласят — топор на плечо и в печники пошел. Печку складывать не каждый может. Там своя наука: осмотрительно кирпичи клади ряд за рядом, с перекурами. В твоём деле тоже: передохнул, обдумался — и вперед.

Григорий расставляет этюдник, укрепляет картон — решил для сравнения и маслом этюд написать. Живописная стена дальнего заречного бора, отраженье многоцветное в трех соседних водоемах кажется разным: старица зеркальна до того, что деревья опрокинутые видятся отчетливее устремленных в небо, озеро подернуто волнистой дымкой, и потому подвижным кажется утонувший лес, а река рябится слегка — разбивает и лес и небо в цветную мозаику. Один пейзаж по-разному смотрится, как напишешь, что бы впечатление сохранилось, настроение собственное передать?

— Цветистая приходит пора. Все памятно соединяется. — Старик прикурил, отмахивает легкий дымок за спину. — Не обиделся ли, Григорий, на чего? Не мешаю ли? Скажись, я отойду пока. Главные разговоры опосля говорить можно.

— Вдвоем-то веселее. Хорошее слово краски освежает.

— Я говорю, не помешать бы. Институт ваш теперь под каким названием?

— “Облгражданпроект”. Проектирование на всю область. Скоро должны переименовать под новые структурные задачи. Обновляться решили с названием.

— Это могут. Это проще. Без предела окать можно, как другие. ООО, — видно, слышал старик про объединения с ограниченной ответственностью. — Теперь нам всего не понять. Перемены пояснял тетке твоей Глафире — не понимает. Тогда — упрек ей: твой племянник рисует там на всю область, а к нам не спешит. Она письмецо и сообразила под поездку директора Алексея Михалыча. Просили Анюту, чтобы и про школьный проект писала — зартачилась. Если, говорит, не зазнался, сам приедет. Понятно, гордая. А время-то идет да идет. Годы не вернешь. Я вот свою Липандру за что до сих пор упрекаю? Одна причина: свадьбу следовало сыграть раньше, еще до войны надо бы.

Отдохнет, помолчит Елисей — другую тему обозначит. Обид у него накопилось: знатным трактористом был, трактора лишился, когда колхозы сливали; с пенсией объегорили — теперь получает меньше ловких пожизненных

бездельников. Разговорился, глядит по своей судьбе вдоль и поперек, с чего начинал — не помнит, на чем остановиться — не загадал, душа сама выбирала дороги для мысли. Казалось ему, что говорит со своим законным зятем; давно считал Григория судьбой предназначенным для младшей дочери.

— Судьбе не прикажешь, ловчить перед ней бесполезно. Не прикажешь. Это деревне приказывают все, кому не лень. Деревня тоже не всегда крепка: приказывают — исполняет... Испохабился люд. Друг друга подъедают. Хорошего человека иной раз днем с огнем приходится искать. Заботливый директор в первый год растерялся даже. Своих людей не хватает, лишь бы кто приехал. А приезжают разные. Алексей Михайлович иначе ставит вопрос: корневых по крестьянскому роду призовет переустройство общей жизни. Надо повернуть так, чтобы первейший авторитет был для того, кто сам себя и государство кормит. Помогать ему все должны в таком старании. Вот и ты, Григорий, рисуешь посреди природы деревню пригожую. Пускай за городом не гонится она, сама собой останется при своем ладе. Да помни: на бумаге одна красота, в жизни будет другая. Проекты твои исковеркать могут дороги да разные доброжелатели со стороны. Так что самому бы надо доглядывать. — Старик, упираясь в колени, медленно поднялся, потухшую скомканную папиросу пихнул в нагрудный карман, подошел ближе и сбоку потянулся оценивать начатую живописную работу.

— Сложно все, очень сложно, — отозвался Григорий и взял другую, тонкую кисть, смешивал охру золотистую с белилами, немного “стронция” вкрапил.

— Али не сложно. У кого совесть за общее дело болит, тому завсегда труднее. Начнешь перед своей совестью исповедаться, вот и мучительно: до чего же мы докатились. А другому все равно, будто посторонний какой. — И снова таинственно молчит Елисей, почесывая затылок. — Вроде мешаю, теперь при всяком деле лишним себя осознаю. Видно, все общие дела переделал, одни заботы остались. Пойду еще пройдуся.

Григорий утонченной кистью разбрасывает блики по всему картону и чувствует спиной тепло такого света, чувствует наблюдение издалека за каждым своим движением. Неторной тропой по склону незаметно подошли любопытные люди, давно, наверно, стоят молчаливые, не мешая присутствием. Он чувствует, среди собравшихся на берегу непременно должна быть Анюта, но оглянуться нельзя — потеряешь ощущение колорита и трепета в себе. Появилось оно, как только подошла она. “Не с тобой. Почему не с тобой мы вошли в голубую от солнца аллею”. Свеченье дальнего бора почему-то кажется чешуйчатым. В дымчатом мареве кольшется ольховник, призывно шелестят нарядные березняки, стеной темнеет чернолесье. “Бегите в лес, прячьтесь среди деревьев! Вы сольетесь с лесом и станете частицей мощи леса!” — оживало, озвучивалось давно прочитанное. “Не беги” — сказано, а “бегите”. С кем и в какую сторону? Если между озером и старицей не остановится девушка, бегущая от грозы, этюд распадется на два независимых мотива. На половинки? А там еще и мальчонка обозначился. Пусть будут они, спокойно выходящие из леса. Мать и сын. Анюта и Олечка. “Смотрите, смотрите! Понятно, кого он рисует! — шепчут поблизости. — Они возвращаются домой”. Под сенью чешуйчатых сосен усталый путник задержался. Ему хорошо от того, что смотрит на любимую женщину с ребенком, потому что едва обозначенная тропинка между озером и старицей ведет к деревне. Почему думается так? Вспоминаются слова из другого времени, они были сказаны о том, что в деревне находится природная энергия народа.

Оттуда, с деревенской стороны, где застенчивыми наблюдателями стоят безропотные земляки, что-то светит своим особым, независимым светом. Может быть, в сей миг никому, кроме Григория, не дано было видеть это независимое от внешних обстоятельств свечение. Может быть, это лишь отразился слабый огонек, рожденный в его душе? Теплый зеленоватый свет, едва заметный, перешел в живописное масло, волнуется и согревает, не он ли все может соединить с чем-то высшим и вечным?

Через несколько дней Григорий Благовестников убедился: как специалист, никогда не умел мыслить социально, не воспринимал проблемы через конкретных людей. И свою жизнь не отважился обдумать, тратил время на какие-то мелкие дразги, политические споры и дежурные обязанности перед незначительными персонами, которые при службе то слишком любезны, то безответственно строги, хотя вполне очевидны в своем бесечестии. Здесь, на родине матери, в стране своего детства, он чувствовал себя независимо, проще, естественней. И работа имела другой смысл, иное содержание. Планы, наброски, этюды, расчеты, впечатления и чувства, мысли и память — все пойдет в дело. За две недели накопилась куча подготовительных материалов — можно идти к согласованному по инстанциям проекту, никому не хочется отдавать начатое.

Понял директор, поддержал его намерение. Пригласил в контору и говорит:

— Еще поработай, Григорий. Соглашайся. С начальством твоим обговорено. Все уладим. Новый губернатор наш замысел прицепил под свои перспективные планы.

— Вообще-то заявление на отпуск написал, чтобы почтой отправить.

— Тоже — вариант. Смотри, как лучше.

Благовестников возвращался к вечернему дому тетки Глафиры сияющий, вдохновенный, решительный. Порадовать хотел — лучшие этюды на просмотр подготовил, а она с дозором по деревне ушла. В избе быстро сменил обстановку: сдвинул, убрал все лишнее. Развесил этюды, наброски, чертежи, эскизы, тщательно проработанные акварели — оформил интерьер новой “мастерской”. Солнечный этюд с подвесным прогнутым мостиком объединял выставочную композицию. Интересно получилось: выставка и мастерская с широким семейным столом посередине, пожалуйста, проводи дискуссии или пресс-конференцию. Видели бы его сейчас придиричвые и завистливые сослуживцы. Видела бы его в эти минуты проницательная “регулирующая” Наталия Верховская.

Она, правда, спешила увидеть, проверить его в самовольной задержке по спецзаданию Ивана Ивановича. Выспросила, выведала по всем направлениям. Повлияли на нее и лукавые предположения всезнающего Сыромятникова. И вот прикатила. Возбужденная, искрометная. Гроза да и только. И перво-наперво потребовала смотреть прямо в глаза, не увертываться, не юлить и не придумывать легенд.

— Все ясно. Втюрился, валенок! Вижу, втюрился по уши. — Подтянутая, спортивно стройная и уверенная в себе, она выглядела свежо и после трудной проселочной дороги. Мыслила четко и ясно. Она утверждала, что этюд с подвесным мостиком появился не просто так, а под влиянием какой-то особы, может быть, даже по просьбе, и потому в наброске и в облике автора общее настроение дышит тайной любовью.

О, эти трудные разговоры с напористыми самоуверенными женщинами, теряющими просчитанные надежды... Григорий долгое время был под присмотром матери, потом в холостяцкой иждивенческой жизни принимал шефскую заботу соседки и привык подчиняться. Пришлось невнятно отвечать на вопросы, утешать какими-то обещаниями, даже упомянул готовность подарить квартиру. Наталия все-таки утихла, привела себя в достойный порядок, распушила прическу и грациозно села к столу, чтобы продолжить разговор в спокойных тонах. Она цепко помнила самые давние диалоги, ловко возвращалась к ним, чтобы востребовать то или иное обещание, но сейчас уже ей были необходимы упреки за все, что когда-то мужчина опрометчиво высказывал.

— Помню твои дерзкие штучки... Не ты ли однажды случайно прооронил: общая жилплощадь — не общая сердечная сфера. Не так ли? Ты слышишь меня, архитектор?!

— Мы никогда не были с тобой душевно вместе, — отозвался он не своими словами, понимая, что спешит с ответом, опять не чувствуя себя, играет кого-то другого.

— Твой ответ исчерпывает, по крайней мере, еще десяток вопросов. Но если бы ты мог смеяться над своими ошибками, которые последуют за этой роковой, был бы осмотрительнее на поворотах.

— К сожаленью, не дано знать свою будущую неразумность.

— Не умничай напоказ. Ты — не Сыромятников, понял? Почаще заглядывай в себя, чтобы не растеряться в новых обстоятельствах. — Она грациозно стряхнула сигаретный пепел на краешек своей путевой пепельницы-ракушки.

— С этим согласен. Заглядывая в себя, становишься богаче.

— Иронизируй сколько тебе влезет. Я тебя научила — пользуйся. — Она резко повернулась, колыхнув пышную грудь, словно ослепила его стекляннным блеском новой нашивки — может быть, стразы для того предназначались. — Да-да, иронизируй, чтобы меняться. Все меняется, друг мой. Перемены в духе времени. Ясно тебе?

— Почему в таком тоне? Что между нами? Каждый в своей судьбе — человек.

— Быть просто человеком — очень мало теперь, даже смешно. Надо знать, чего ты хочешь от жизни. Забился в скорлупу отшельником. И смейся над собой, когда другие... преуспевают. А ты свободный, тебе ничего лишнего не надо. Над бедностью хохочи.

— Смеемся над собой не потому, что дурнее других. А потому что устали исполнять экспериментальные роли. Душно от стандартов лицемерия. Не продохнуть.

— Ой, какой пассаж! Кричи громче! Ах, ах, открытие! Прорвалось, значит. Раньше не умел. Поглядите, новая историческая личность среди своих шедевров. Индивид, душака нелюдимый, недотепа и заскорузлый помазок. Тоже мне делатель истории.

— Историю и неприметные личности сообща двигают... — Он не знал, о чем и как с ней говорить, но и отмалчиваться не хотелось.

— Опять полез в высокие материи. Мне наплевать на историю, на все затеи личностей. Есть только мы сейчас. Наш миг между прошлым и будущим. Только один миг, мой собственный, и я хотела посвятить его тебе. Ты не заметил, не оценил моей доброты и преданности. Я забыла всех ради тебя, родную мать не навещаю. А ты к тетке укатил крышу ремонтировать. Ты свою поправляй — гляжу, поехала.

— Твое поведение, соседка, всегда было лукавым и агрессивным. — Григорий все-таки не сдержался, заговорил резко и прямо, без иносказательных намеков. И это взбесило властную Наталию, она сжала в кулаки окольцованные пальчики.

— Вот ты у меня где, раз так! Всегда буду твоей самодержицей.

— Самодержавная Наталия Яковлевна! Личное самодержавие есть непротивнейшее человеческому естеству состояние. — Словесную игру сопроводил ехидной улыбочкой.

Хладнокровие принесло здравость мысли, но игриво связывало личное, индивидуальное с историческим. Хотелось достойно завершить напускной диалог, на который и раньше тратилось время, а надо бы просто работать среди композиций, напоминающих, что есть другой мир, просторный и естественный, позволяющий выбирать свое направление, свои сокровенные тропинки.

— Судьба человека зависит, между прочим, и от того, что он сам о себе думает, в какую оправу вставляет свой портрет, — тихо сказала она, прислушалась к тиканью настенных часов с блеклым городским пейзажем на ржавом циферблате. — Человек, сотвори свое будущее, а сотворив, думай о тех, кто невольно оказался рядом.

— Здесь ты права. Ни убавить — ни прибавить. — Но и эти слова были уже лишними, они ничего не объясняли, в них не было достойной, отрезвляющей мысли, ни каких-либо чувств. Он мог бы в спокойном разговоре признать, что стал другим, а точнее — просто вернулся к самому себе, доверяет жизни, верит в свой час и счастье видит пока лишь в том, что не принимает на веру никакое утверждение со стороны, ищет доказательства

поступками, действием и не хочет быть рабом собственного мнения о себе. Больше он не может быть функционером, не станет угождать нужным людям по расчетам рациональной женщины, под крыло которой попал каким-то странным образом. Забыл песни юности, себя на детских фотографиях в маминном альбоме начал стыдиться, а по ночам иногда просыпался в рыданиях. Со слезами перечитывал рассказ “Во сне ты горько плакал”. И спрашивал: “Отчего же были мои горькие слезы?”

Сейчас в меру сил надо бы как-то объяснить свое настроение, чтобы она отнеслась к случившемуся спокойно, ибо оно и есть долгожданное происшествие в его личной жизни. Сегодня он не вправе упрекать ее, лущет только себя самого, чтобы осознать вину и сделать спасительный шаг, который иными поступками заменить невозможно.

— Надо победить себя, — раздумчиво признался Григорий.

— Смотрите, какой мудрый. Но, как известно, мудрость не склонна совершать отчаянные поступки! Привет, добрейший-мудрейший!

— Наталия, не говори так громко. Я давно не воспринимаю актерские выкрики.

— И не собираюсь кричать, горе мое кричит.

— Горе?! — он вдруг впервые так пристально поглядел на нее. И подумал: остается одна — тоже надо меняться, раскладывать другие карты, плести другие сети. Теперь она казалась печальной — бесповоротность его решений стала ей очевидна.

— Не уходи так резко. Не оставляй меня, — просила искренне вздрагивающим голосом. — Скоро справлюсь, придумаю что-нибудь и для тебя. Тогда простимся.

Сказал, что понимает её положение, не будет спешить, поживет в деревне некоторое время — здесь держит интересный замысел, поэтому ничего коварного придумывать не надо. Она, кажется, успокоилась, смогла уединиться за переборкой. Пускай отдохнет в тишине, остынет. Всякому человеку полезно оставаться наедине с собой и находить отраду в своих степенных думах, способных вывести из привычного круга вещей и понятий. В одиночестве обостряется слух и зрение особого свойства — лучше видишь себя, слышишь волнение сердца.

— Снова чувствительно нуждаюсь в одиночестве. Раньше, когда мама уходила на работу, я рано просыпался и радовался, что могу мечтать.

Наталия шелестела страницами какой-то привезенной книги:

— Добродетель никогда не останется покинутой сиротой, она естественна, как человек читающий, и не ищет других развлечений. Я хочу найти свою сказку, — говорила она смиренно, точно из своей комнаты в городской общей квартире.

— А у меня был сказочный спасительный камушек, — вспомнил Григорий. — Зеленый. От стены Троицкого собора. Знаю, он лежал на подоконнике в заречном доме детства. И вот вижу, как приближаюсь к нему по широкому половицам. Робко продвигаюсь, чтобы взять. На мне шелковистая голубая майка, она дразнит игривого котенка, сидящего на печи. Я думаю, я хочу, чтобы, как только возьму камушек, Мурзик прыгнул ко мне на плечо и сказал добрым человеческим голосом: “Теперь ты знаешь, в каком лесу самые интересные сказки. Мы вместе пойдем за реку — туда, где собираются по ночам чудеса”.

— Если сочиняешь сказки, впадаешь в детство — значит, начал стареть. А еще обещал мой портрет на фоне одуванчиков написать лессировкой, — напомнила она.

— Рано-рано выйду на крыльцо босиком, потянусь и шагну в серебристую росную траву, умоюсь этой росой, сорву с грядки огурец, разломлю его, чтобы с хрустом откусывать от одной и другой половины.

— И будешь поджидать ковер-самолет, чтобы улететь от этого развала в поисках царевны-лягушки? Помни, сказочный принц рано или поздно поймет ложное и скудное свое положение. — Она сделала многозначительную паузу, чтобы он ждал развития жеманной фантазии. — Дальше придумай сам, помня о несовершенстве выдуманных ситуаций, в которые ставит себя

реальный человек, и оказывается, таким образом, в двух положениях сразу, так что выпутываться трудно вдвойне.

Он догадался, какую книгу из его библиотеки она привезла, и с удивительной отчетливостью вспомнил помеченную когда-то страницу:

— Вещи не меняются, это мы меняемся. Продай свою новую одежду, но сохрани мысль, — он выбирал, что и для чего еще сказать. — Никто никогда не проигрывал на душевной щедрости. На лишние деньги можно купить только лишнее. А из того, что необходимо душе, ничего за деньги не купишь. Пытаюсь склоняться только к тому, что влечет меня всего сильнее. Не хочется выстраивать свод, пока не заложу прочный фундамент. Нечего играть на тонком льду, твердое дно можно найти повсюду.

— Молодец. Удивительные способности. Начитался. Впервые удивляюсь: твое цитатное красноречие может обеспечить успешное лицедейство в любом кабинете. Можно двигаться выше и выше, если обогатиться служебной риторикой. Значит, в гору пойдешь без меня? Удивляюсь, но надеюсь, что еще пригожусь. Могла бы устроить, удивить всевозможными вариантами продвижения — женщинам это дается легче.

— Благодарствую за внимание, — странно сказал не о том, что думалось. Бесплезно было возражать, объясняться. Переметчиво теснились другие мысли, далекие от напряженной беседы, вспоминались кем-то очень давно высказанные рассуждения — понятные, близкие, как свои собственные: “Ты знаешь, друг, мои картины мне самому не нужны. Они согревают, спасают мою душу, пока я их творю, будто пою песню. Как только песнь пропеет, отходит далеко, чтобы начиналась другая. О чем будет она? — еще не определилось”. Он так и повторил вслух. — Еще не определилось.

— Что именно? — зацепилась опять Натали. — Не трудно догадаться. Гляжу, враз переменялся, ловкий такой. Небось, на учительку Шуру Смирнову глаз положил? Хороша булочка деревенская, да? Дорогу она мне показывала — знает, где тебя искать. Ты тут вольный, без контроля. В двух березах не затеряешься.

— Пожалуй. Сам удивляюсь, себя не узнаю.

— Разбогател. Обещан особняк, подъемные, ссуда на обустройство. Покупай мебель, посуду, кресла, телевизор, двор с коровой и поросенком. Нахлебаешься досыта — вернешься, буду ждать. А пока спасибо и на этом. Была у зайца избушка лубяная. Как с квартирой будем разбираться? Без тебя, без твоего согласия мать твоя приглашала меня.

— Разве в этом суть? Маминых трудов жаль. Трудно ей было одной... пока служил на границе, а после службы — сразу в институт. Незаметно зачерствел, от всего отстранился, самых близких забывал и самого себя...

Серьезность Григория в этот раз ей показалась убедительной: прошлое для него не миновало, прошлое не сдашь старьевщику, оно молча всегда напоминает о самом дорогом и заветном, всегда будет требовать бессонных ночей с мучительными угрызениями совести. Никогда никому он еще не говорил о своих угрызениях — некому было сказать, не каждый способен вспомнить деревню на берегу, плоскодонку около причала. Вспомнить, видеть все сразу и в сердце соединить два берега. Не затихает река на перекатах, костерок разгорается для двоих, освещает мечтательно выстроенный подвесной мост. Там, на мостике озорной мальчонка качается, мама придерживает его за рубаху, смеется, приговаривая: “шустрый какой да сильный”. Что-то еще говорит про школу, природу, солнышко и картины. И катится, катится эхом издали голос Анюты: “Знаешь, Гриша, мне снятся такие наши картины, они всегда напоминают о тебе...”

А утром провожал незваную гостью в обратный путь. Возмущенно замкнутая Натали удалялась отчетливым строевым шагом, он едва поспевал за ней. На середине прощального пути выхватила у него свою тяжелую полосу сумку.

— Не ходи! — приказала. — До асфальта сама дорогу знаю. А ты, а ты... друг человечества, постигай деревенского невежества губительный позор.

Стоял, ожидая с интересом: оглянется или нет? Все-таки оглянулась, поставила сумку, чтобы передохнуть, трижды резко махнула шляпкой и с коварным дуновением ветра конкретное обещание отправила: “Имей в виду — я еще вернусь!”

* * *

Пойменный простор издали казался заманчиво ровным, но шагать по нему размашисто не получается. Другие грибники особым кратчайшим путем ушли много раньше — смело резанули краем давнего буревала, через который Глафира никогда не ползет и ни разу не пробовала пройти, потому что, как она сказала, в былые годы лишних сарафанов на трудодни не давали. Самые короткие пути только гончар Петр Павлович и знает — в поисках подходящей глины все увалы исходил. А за ним разве угонишься.

Солнце заманчиво зеленило в мокрой травяной блеклости свежую тропу, отчетливо нацеленную на буреломы. Анюта направилась по свежим следам, но тетка Павлина охладила племянницу:

— Нюрка, не толкайся по сторонам. Иди, как велено, а то потеряешься.

— На Доброумово идем, — напомнила Глафира Степановна и тоже оглянулась в беспокойстве за своего племянника. — Гриша, не отставай, следом общим иди. Сохранней торной тропой.. Вспоминаешь ли мамину дорожку?

— Здесь, на первой поляне между берез была скамеечка для отдыха. — Григорий остановился приглядываясь, будто важничает — куда теперь спешить.

— Подтянись, замыкающий охранник, — приглашает Анюта.

— Ладно, не командуй, — одергивает ее строгая Павлина. — По грузди наладились, не на гулянку. Ой, Нюрка, степенности в тебе нету. Разве учителям так-то можно?

— Можно, если учитель — живой человек, а не сухарь заскорузлый. — Анюта взмахивает обеими руками, подпрыгивает девчоночкой легкой, словно хочет взлететь. Прутяную корзину подбрасывает высоко к ветвям, сбивает с желтых листьев сверкающую россыпь, чтобы окропить замыкающего — и раньше бывала такая игра...

Постепенно притихли, угомонились, шагали последовательно в заданном ритме. Присматривались, прислушивались, осознавая общее движение с настроением. Иногда среди ветвей оказывались на виду зелененькие синицы. Пискливо предупреждали они о том, что все тут выстроено по всеобщим законам. Не сознание ли человеческой ничтожности в бесконечном мире призван пробуждать этот нежный предупредительный писк крохотной птички. Пятнадцать лет назад в походе с матерью в этом хвойном царстве ни о чем, кроме маслят, белых грибов не успевал подумать. В небо сквозь вершины не догадался посмотреть, синичья песенка ни о чем не напомнила, двоянные хвосты будто бы не падали на плечи, редкий клетот ворона не тревожил и ручейное журчанье вдоль просеки не остановило ни разу. А вот сейчас подумалось: будет ли возможность остановиться здесь, к примеру, шестидесятилетним или, как тетка Павлина, в семьдесят с лишним лет? Отмахнулся — привяжется же такое: скрипит в ушах голос навсегда ушедшей. Он громко и манерно расхохотался.

— Гриша, ты чего там в смешинки играешь? — спрашивает Глафира. — Разве, как я, светлые деньки вспомнил? Не забылось ли, куда и с кем идешь? — Ласково спросила, хотя племянника считает самостоятельным и со вчерашнего прощания с гостями — решительным мужиком. А для попугаев находится пояснение: городские не в азарте до грибов, вот и волынит, все они, мужики, такие сперва, им готовенькое на тарелочке неси. Не каждый кухарничать способен. Остался одиноком — и растерян.

Старая знает свои сравнительные заботы, все примечает и осмысливает. Да не все сказывает молодым, только для Павлины словечками редкими обозначает: кто-то для нее шальной, захватущий, а кто-то без сердца и памяти. Природу сравнительно видит, как же. Разнолесье переменилось, задурмане-

ло, за первым ложком урожайные грибные куртины лесозаготовками выхлестаны, захламлены. Левее надо брать, обходом, по ручейной низине к роднику. Не забыты приметы, в любую сторону пойдй — все памятно, каждая деревина, должно быть, Глафиру Степановну знает, от самого детства ходила она сюда, ни одну осень не проронила. Ходила и одна, и с детишками, внучатами. Не только по грибы, ходили за голубицей, брусникой, клюквой. Бывала с мужем на дальних урочищах — за глухарями, значит, на глухариную охоту. Легко тут всегда шагалось, легко дышалось. Нынче что-то грудь никак не расправится, теснит и теснит под ребрами. Неужели сдавать начала и не бывать больше в таком просторе? Слышь, крик желны протяжный — к дождям, пожалуй; проглянуло ведро, побаловало немножко, снова нудные дожди зачастят. Того и жди в предзимней тревоге.

Она остановилась на холмике под могучей сосной, гладит бугристую кору. Все втроем к ней подтянулись, стоят над ключевым журчаньем, гадают, из-под каких корней оно взялось, слушают звон живой воды о том, кому что помнится. Глафира шагнула вниз, с тягучим сладостным вздохом опустилась на колени, опираясь на гладкий синь-камень, обрела равновесие и правой рукой зачерпнула водицы, омыла глаза и щеки, маленько с ладошки попила — окатила душу, и показалось на миг, что помолодела.

— Хорошо мне. Завсегда, при любой погоде к этой воде припадаю. И вы все, мои хорошие, приклонитесь, благословясь.

— Не командуй, бригадирка такая, ух, забияка! — Павлина нашла всё-таки какой-то повод для возмущения. — Не указывай. Всяк своим умом ведает.

Заметить не трудно: разную характерность женщины меж собой проявляют, немногословно общаются. Потому и молодые кротость держат. Гриша приклонился, углядел серебристо-переливчатый бурун, цветком мелькающий посреди уютной котловины, наполненной особым матово-желтым светом. Трещет цветок, пульсирует, не пробиваясь к поверхности. Когда-то давно явился ростком через едва приметный в глине струйный ход, остался навсегда, зимой и летом тянется на определенный уровень и расплывчато опадает, превращаясь в лепестки. Анюта тоже разглядела пульсирующий цветок и затаилась, чтобы не спугнуть сказочное виденье.

— Бывало, гляжу, люблюсь вот эдак, — вспомнила свое былое самочувствие Глафира Степановна — Покажется, будто на крыльях поднимаюсь, птицей лечу над полями. И вся земля моя видна, такая моя, что разом обнять бы, прижать к груди и замереть сладостно.

— Не придумывай на сей день, чего не следует, — скрипит Павлина на основе каких-то своих давних претензий. — У тебя завсегда сладости на уме.

Павлина стоит гордая, прямая — с Глафирой она из одного колодца никогда не пила, из родника пить тоже не станет: всю жизнь — и скрытно, и в открытую — соперницы, из-за Лебедева — получилось навсегда. Он, справный, кучерявый да ходовитый, сперва через ограду к Кузнецовым девкам прыгал, а потом до Благовестниковых тропочку натоптал и оставил Павлину в перестарках. Молодые племянники это знают.

— Смотрите, смотрите, там жук-плавунец! — вскрикнула Анюта, хотя сама никакого жука, может быть, и не видела.

— Теперь жуков ловить станешь вместо грибов. — Павлина готова по всякому поводу выказать несогласие. — Заразы с этими жуками нахватать можно.

— С тобой неладное, тетушка. Бурчишь и бурчишь. Да чище этой воды на белом свете нет. Она все сама собой очищает, потому и звенят родники. Они природой дадены, чтобы люди не блуждали в лесу, и в жизни. Отдохнешь, памятно оглядишься перед чистой водой. — Глафира обладила лицо обеими руками, поправила белый, разумно приметный платок. — Глаза просветлели, вот и дальше пойдём.

Она уверенно перебирается через овраг по свежему переходу, кем-то устроенному из двух бревен, преодолевает подъем и убыстряет шаги. Раньше с мужем Николаем ходили степенно, а теперь перед молодыми старость свою показывать не следовало. Хотелось особое возвышенное настроение передать.

Не раз в этой роще посещали ее просторные чувства и мысли, через которые она находила в себе божественную причастность к происходящему. Всего объяснить, высказать она не может, и если могла бы, не стала вести такие разговоры — слишком велико и неохватно для досуемого слова все доступное душе. В одном лишь она призналась перед попутчиками вблизи родника: “Иногда будто лечу и лечу над доступной землей, чтобы видеть и знать, хорошо ли тем, кого помню и кто меня помнит”. Не промелькнуло откровенье незамеченным...

Бывает так: от малого твоя дума в другие пределы позовется. Григорий вспомнил читанное о Большом Магеллановом облаке и о том, что за последние сто лет астрономы открыли более шестисот сверхярких звезд, но все они находятся несравненно дальше нынешней сверхновой, которая уже погибла, оставив единственную для современной астрономии возможность углубленно изучать феномен. Не все понятно в таких сообщениях, но жуткий холод охватывал душу, а мысль, словно бы свет, летела туда, к титанической катастрофе, в ближайшую звездную систему, к той катастрофе, происшедшей сто семьдесят тысяч лет назад, — она “сказалась” на Земле только нынче волновым отсветом взрыва. Возможно, повлияла на каждого человека.

Странно думать о непостижимых даях, но думалось — вот ведь какая зависимость, и чувства рождаются необъяснимые, они приподнимают над лесом, соединяют времена давние и мгновения теперешние.. Чувства всегда богаче мыслей — их невозможно полно и ясно выразить словами, они вбирают волнение души, опыт сознания, эмоциональные краски волнений и событий, детскую наивность и наследственную родовую память... Да мало ли что подвластно чувствам и выражается в них! Им никто не указ. Чувственная жизнь каждого человека имеет свое космическое пространство-время, свой микрокосмос. Значит, любое мгновение этого дня чувственным светом отразится когда-нибудь в раздумьях о жизни. Сегодня в Заречном бору услышал тоненький писк хлопотливой синицы и высоко над головой — чудный треск розовых пленок на могучих стволах. Затаил дыхание, остановленный мыслью о краткости жизни, смотрел на небо в просветы между соснами, осознавая себя в центре необозримого вращения...

Кажется, еще вчера был другим, бесчувственным и беззаботным, не умел прислушиваться к себе и не думал о других. Обзываемый сухарем, терпеливо выслушивал теткин рассуждения о том, как надо себя обретать в грибную пору. Постепенно необходимое настроение было обеспечено, амуниция соответствующая приготовлена. Состоялся разведывательный поход сокровенными тропами в гордом одиночестве. И получились трудные вечерние встречи на обрывистом берегу под памятными черемухами. Аня вопросов не задавала, только упомянула, что видела его с кем-то на полевой дороге.

“За груздями с девушкой пойдешь — до свадьбы дело доведешь. — Тетка Глафира так и сказала. — Грибы нынче искать не трудно Ежели с умом — всем хватит. — Хорошим напутствием одарила. — Не блуждайте в своем-то лесу, тропинки лучшие припоминать полезно. На земле не сохранились, а в сердце, может, живы еще”.

И закадычная подруга — ровесница ее Павлина свою племянницу Анюту тоже заботливо поучала: “Смотри, девка, по грузди с кем пошла”.

Все-таки еще раз прутьяная корзинка, подброшенная высоко, сбивает с разлапистых желтых листьев клена сверкающую россыпь — не трудно было догадаться: хотелось девочке разноцветным дождем окропить попутчика. Да не получилось по задумке: дождь упал чуть раньше, а корзинка застряла. Пришлось Григорию, как в давнее утро (бывало, бывало такое между ними в пору юности), проявить спортивную ловкость. Он быстро нырнул под навесную желтизну ветвей, ухватился за гладкий коричневый ствол. Анюта весело засмеялась: в тот миг она была поблизости — “дождь” приняла на себя радостно. Можно бы обнять такую веселую.

Мало ли что подумается. А приближаться трудно, дистанцию надо выдерживать. Так и шли: она впереди — веселая, а он, сдержанный — за ней. Бывали, бывали такие прогулки, по одним тропинкам ходили да разминулись на годы. Все теперь как впервые...

— Давай думать только о грибах, — сказала Анота.

— О чем еще можно? Грибочки, конечно, выросли. Готовое не трудно собрать. Не сеяли, не растили — природа одаривает.

Степановна давно все разметила и остановилась для пояснения:

— Будем держаться знатной просеки. Молодые — левой стороной, старые — правой. Слышь, Павлина засемила уже — поспешает. Аукаться будем изредка, окликать друг друга, чтобы не потеряться и не блуждать понапрасну.

Деловитое распределение понравилось — Аня решила его продолжить, когда остались одни на определенном участке:

— Слева твоя полоса, а справа — моя. Договорились?

— Аня, не страшно тебе одной?

— Страшно будет — закричу. Только ты не хитри — отзывайся.

— Не люблю кричать. Чужое частое ауканье даже в детстве надоедало.

— Ну и что. Если надо знать, кто куда пошел. Другим чтобы не одиноко было. Шурочка Смирнова, например, через каждые три минуты в ягоднике меня окликала, чтобы медведей и волков отпугивать.

— А у меня — как получится. Соответственно обстоятельствам.

Знал, что будет улавливать друг друга в движении: по шорохам, по треску под сапогами, по вздохам и даже по чтению стихов. Заискрился в просветах небесный цвет. И стало тихо, так тихо, что удары сердца отзывались в вышине. Остро и сладостно думалось: ты — не один, ты — часть этого мира, принадлежащего двоим, ты не сам по себе, а в родстве с местами детства, с тропинкой первого поцелуя. Тебе, как тогда, хорошо и страшно, ты опять чего-то боишься, зная, что ни в чем не виноват, никакого зла не творил, и потому каждая травина, каждый лепесток, хвоинка каждая, кусты, деревья, звери, птицы и насекомые готовы защитить тебя от любой коварной напасти...

Гриша сделал робкий шаг, словно был одним из тех, кто уцелел на этой Земле после жуткой разрушительной беды. Что-то заставило его крикнуть сдавленным шепотом:

— Люди! Скажите ей: здесь нет виноватого!

Не слышал собственного голоса, но в ушах звенел другой воображаемый крик:

— Аня-а-а! Ау! Где ты?! Не оставляй меня одного!

Теперь звенело под зелеными сводами, под самыми верхними мозаичными просветами между высоких деревьев:

— Аня, а-а-у-у! Поддай голосок через темный лесок, — как в десятом классе шептал. И она отозвалась — нет, не аукнула ответно, а где-то в отдалении, словно бы под горою или под обрывистым берегом возле омута, тихо пропела: “Не с тобой! Почему не с тобой/ Мы вошли в золотую от солнца аллею?”

Григорий прислушивался, ожидая продолжения, будто возвратился из виртуального мира, осмотрел реальное пространство и ощутил свою надежную приземленность. Забытое озорство возвратилось, давнее волнение вспомнилось. Затаиваясь между густыми елочками, дважды пробасил с тайным замыслом позвать ее.

— Грибы, грибы. Кругом одни грибы. Можно просто косой косить.

Близкий смех окончательно возвратил ему ощущение реальной жизни: нет сказки, не повторится былое опять. Подумалось вдруг, что этот день будет самым долгим осенним днем, самым радостным, значительным, памятным — таким, о каком мечталось в городе. Он приклонился к земле — может быть, это и был благодарный поклон. И о чудо! Под правой ладонью влажно хрустнуло — рука проскользнула, весело вывернулся из-под хвойного покрывала белый кругляш.

— И здесь грузди! — выдохнул Григорий, шаркнул руками по сторонам, взьерошивая листву и хвою. Снова — под руками приятная упругость.

А смех повторился с другой стороны — оттуда Анота не могла смеяться, не там её полоса. И ритм у смеха другой, похожий на куриное кудахтанье. Подшучивает, наверно. Ну что же, проказница, опять игру затеяла — вспомнила былые прятки.

— Под этими мягкими мхами чудесные грузди встают мостами! — сказал давним юным голосом, такому голосу вся округа верила: правда, грузди растут мостами, они к нам выходят сами! Хотелось счастье мне найти — вот и встали грузди на пути.

— Чего раскудахтался, петушок? — это Алексей Новиков рядом нарисовался. Вот так встреча! — стоит напротив, спортивной шапочкой пот со лба вытирает. — Рановато, Гриша, кричишь. Мне покричать можно. Затоварился, вот. — Он толкнул ногой высокую заплечную плетенку. — Прямым из Доброумова маршрут, похода нагрибовался. От Шурочки Смирновой упрёк был: через щедрый лес идешь, а лучшие грибы не берешь. Первый сюрприз приготовил. Шутливый заказ всерьез исполняю.

— Кто это там бубнит? — заинтересовалась Глафира Степановна. — Думала, Петрован Кузнецов, а прислушалась — голос другой да знакомый. — Тут мы, Алексей Михайлович, по своей поже наловчились. Попадают груздочки славные.

Павлина притихла, и молодые увлеклись, окликаться забыли. Она прошуршала через мелкий ельник, но близко не подошла.

— Некогда разговоры говорить. Грибная пора — что страда уборочная.

— Это так. Все соединилось, только поспевай. — Новиков знает, кому какая речь нужна. — Иду спозаранку комбайнера поторопить.

— Твои заботы, мил человек... Мы сами по себе. Никто не мешает. Здесь нынче стало малоллюдно. — Степановна усмехнулась. — Наша воля бессильная. С нас теперь другой спрос, а на подмогу позовешь — придем зерно перелопачивать. Не для своего живота всегда жили.

— Никто для себя только не предназначен. Если я только для себя — зачем здесь я?

— От Кузнецовых братьев поговорку повторяешь. Они мастеровые на всякие дела. Петрован и сегодня где-нибудь тут — не проспал, заботливый.

А директор будто бы для каждого знает ежедневный расклад. Упомянули в разговоре гончара — имеются данные, может сообщить: Петр Павлович затребовал легкий трактор, чтобы заготовленную особую глину привезти для школы и для дома. По обрывистому оврагу выборочно накопал, в телеге мешковиной накрыта. Из ведра поливает, чтобы не засыхала. Он затевает генеральную репетицию. В старом доме порядок навел, гончарный круг отремонтировал. Всех, кто не зачерствел и в силе еще, горшки бить пригlašает.

Взаимно сберегая время, коротко поговорили с чувством причастности ко всему происходящему ранним утром в этом мире. Знали, что встретятся еще, не сегодня вечером, так завтра на рассвете — по распорядку естественной жизни. Не прощались...

Постепенно грибники вошли в азарт. Чем меньше в лесу заинтересованных людей, тем спокойнее они ведут себя — без суеты, без паники, но затаиваясь. Разве только жадный суетно бегаёт, ловчит, хватает любые грибы подряд, азарт его направлен только на хватание — в том и получает он наслаждение, только в том. Неторопливый грибник все примечает: где качнула ветку взлетевшая синица, где паук выстроил ажурный зонтик, как вздрагивают листья берез и светится водяной бисер на маленьких елочках. Все примечает хороший грибник, все ценит, всем любит, даже собственным рассудительным поведением, но при этом старательно обшаривает глазами возможные направления грибной полосы. Он помнит, откуда начал и куда должен вернуться для повторного обследования, учитывая, какое было небо над лесом и под каким углом падал свет из проемов между ветвями, где вспорхнул рябчик, в которую сторону перелетел пестрый дятел, откуда вспугнулись зайчата, когда выглянул возле муравейника груздь-переросток.

Родственница назвала грибованье поклонной работой. Но разве это работа, если каждый шаг твой вызван интересом и сопровождается не грибными вопросами: а где ты теперь, Аня? Почему затаилась, лукаво смеялась? Какие собираешь грибы? Сколько у тебя в корзине? О чем думаешь? Что вспоминаешь? Да, заманчиво искать грибы по согласованию с тобой — на расстоянии. Получается тихая, ласковая игра-забава. Со стороны посмотреть: каждый грибник исполняет замедленный импровизированный танец,

вытанцовывает свой круг так, чтобы он непременно совпал или хотя бы соприкоснулся с траекторией близкого человека. Никогда грибники не ходят столь осторожно и медленно, не кланяются так низко Природе-матушке, никогда так не ласкают чуткими ладонями влажную землю, никогда так обостренно не чувствуют каждый бугорочек, каждый выпуклый приподнявшийся листик. Никогда, только в лучшую груздовую осень. Самый неугомонный грибник на мгновение да затихнет, найдя первый сигнальный гриб, за которым угадывается целое семейство. Влюбленный чувствует близость груздя безошибочно. А в кого или во что влюбленный — это личное дело каждого; какой работе, какому месту жительства предпочтение отдать — тоже.

Для Григория грибная пора — сказочная, это тебе не над скучными коммерческими чертежами корпеть на предприимчивого дядю. Огляделся по возрастающему горизонту, даже привстал на цыпочки — заметил что-то предположительное в стороне, а шагнуть не решается: осторожнее надо, не спеша. Теперь под ноги глянул, словно вычертил два полукружья, прощупал взглядом ближнее пространство и склонился под елочки. Теребя беспокойными пальцами скользкую рукоять наполовину сточенного хлебoreза, прищурил глаза — нацелился и сам себе сообщает: “Есть! Ого, еще! А там — третий. И там — под листьями, и возле пня штуки три-четыре! А дальше-то гребешком обозначено, туда, значит, слой пошел!” По этой канавке и надо тянуться к березняку, но там — она, Анюта увлеченная, тоже чего-то шуршит. Тише. Только тише, другие пусть сами ищут, нападают на свою грибную канву. Работай, грибник, веселей да сдержанней!

Срежешь добротный груздь, а он и крикнет — хрусть! И молочком брызжет в избытке набранной сочности. Вот так мы его, ласково, с подковыром. Наклоним да будто косою по низу, только медленно, не размашисто. А пенечек-остаточек прикрыть надо. Теперь к другому грибу вежливо подступим. Ну-ка, покажись, не бюрократ ли ты, не засиделся ли в уюте? Нет, не таятся, напрасной бурной деятельности не изображает, не упирается, за кресло свое не держится, даже рад, что нашли, обнаружили, обратили на него внимание для общей пользы. Берем, берем. Но не качай его зазря, не качай корешки, не повреждай грибницу. Ножичком, ножичком. Придержал за шляпку — оно и складно получилось, смачно так. Теперь прикрывай заботливо там, где кресло его стояло. Листву на прежнее место клади. Груздя нет, гнездо свободное, пускай другие приспособляются, силу набирают. Чудной груздь! Вроде таятся, скромничает, стеснительный очень, а сам чистый, честный, чего бы ему бояться? Попадают такие скромняги. Красивый гриб! Весь белый, иногда в желтинке молоконной, на которой едва обозначен подзеленок крутов, словно кольца годовые на древесном спиле, а по краям бывает кужлявина желтенькая или тоже зеленоватая, на другом грибе — синева приметна волнистая. Успевает ли Анюта все это заметить, разглядывает она или только на корзину работает? Знает ли, что любо смотреть на красивые грузди, когда они один к одному в корзине — кажется, рады, что вместе собрались? Учитывает ли она эмоциональные перемены? Ах, и этот хорш! Кучерявый чубчик у него. Ишь, красавец какой!

Ба! Восьмеро в шеренге стоят в открытую. Храбрецы. Им что, они коллективом: один за всех, и все — за одного. Сами собой довольны, рады, что нашлись — вольно погуляли и вышли навстречу доброму человеку. А возле них — второй ряд. Одинаковые, будто клавиши-кнопочки веселой хромки! Тот первый, сигнальный груздь был пегий весь, обрывками листьев, хвоянками облеплен, муравьями обследован по здоровью, улита его обслонявила, но радовал смелым достоинством. Как не вспомнить?! Он теперь в сравнении с молодяшками на самого старшего похож, забурел слегка в ожидании достойного человека. А срезал Григорий его — подивился внутренней ядрености: корень уже синеватый, однако без червоточки; когда прошел дополнительный срез по самому венчику, матово белизна засветилась. Спасибо, старичок, надумил грибника, навел на тропу. Теперь пошло дело, только кланяйся! Как же, в такой душевной ситуации кланяться достоинствам приятно.

И слева шуршащее движение. Оттуда нет-нет да и долетит потрескивание — Аня там увлеклась, она это — по вздохам безошибочно узнаешь. Вот

промурлыкала чего-то — в настроении, значит, на песню потянуло, не повторяется, другая мелодия слышна. Вот, кажется, про весну: пойдём березкой полюбуемся. Да, была такая весна, вместе тогда пели. Помнит, не забывала, а говорят: память девичья... Ну вот, вспугнул — замолчала. Сейчас, наверно, обратно подкрадывается.

— Раз, два, три, четыре, пять, — за еловой низкой грядой шепчет Анюта, близко она, совсем близко. — Груздочек вышел погулять, со мною в прятки поиграть.

— А его никто не знает, даже груздем не считает. Чур, находка моя! Этот груздь срезаю я! — Григорий выстроил свою скороговорку.

— Вот и нет, я так не согласна. Кто первый увидал этот милый грибочек? Чур, чур! Не подходи пока. Я заметила давно, самый лучший, самый долгожданный мой. Этого еще отсюда, от той красивой сосенки, видела. Честное слово, Гриша...

Взгляды встретились — удивленные, радостные, многозначительные! Но рассыпанный с деревьев яркий свет ослепил Григория — не успел разглядеть, что там, в глубине Аютина взгляда? А она смеется и сквозь веселый смех зачем-то говорит:

— Заяц струсил, не посмел, а потом о том жалел. Он бы мог ее догнать, удержать — поцеловать. — Самый прекрасный гриб, одновременно найденный, она обеими руками прикрыла. Так получилось: Григорию тоже был нужен именно этот груздь, потянуло к нему каким-то особенным магнетизмом, невольно опустился на колени перед ней... и понял, что такие грибы специально вырастают для двоих, терпеливо ожидая, когда он и она встретятся.

— Иногда бывают волшебные грузди... Это ты нашла... Это ты, когда Новиков подходил, вернулась по нашей тропе... Сотня, тысяча поцелуев за это причитается!

— Только в нашем лесу, только в нашем, — ответной нежностью шептала она. — Тише, только тише — тетка Павлина услышит. Эхо далеко бежит, кто-нибудь еще услышит.

Вдруг она, приветав на цыпочки, оглянулась и очень странно спросила:

— А Шурочка Смирнова тебе тоже нравится?

Откуда ни возьмись — Павлина свое мнение вставляет:

— Хороший человек всем нужен. Отзывчивая Шура, приветливая. И при всем складная... Подстать директору. Как раз хорошая пара... А чего других в лесу обесуждать, обо всем на свете забывши? Они и сами свою тропу найдут. На обратный путь наклоняйтесь. Глафира к роднику закликает. Оттуда до Починка рукой подать...

* * *

— Лучше вечером не расставаться, чтобы утром друг друга не искать.

— Ой, директор молодой, усы твои пшеничные, уста медовые, а глаза лучистые, бедовые, с магнитиками. — Только Шурочка Смирнова так могла ему сказать.

Узенькой тропой под уклон между старыми черемухами спускались они в синюю прохладу оврага. Слева за перелеском на просторном поле монотонно гудел комбайн, а справа от зерновой сушилки веяло теплым запахом пшеницы, с деревенского взгорья долетали веселые крики детворы. Шурочка остановилась прислушаться.

Алексей прошел вперед, размахнув руки для равновесия, перебежал по двум жердочкам. Получилось так, что, встречая с другого берега, он придержал ее за талию, неловким движением левой руки коснулся шеи. Она медленно качнулась в сторону, — отстраняясь в напряжении, взялась за его плечо. Все необъяснимое, о чем никогда они не говорили, произошло само собой именно в это мгновение: им посчастливилось понять, что нашли друг друга не сегодня, а уже давным-давно, только боялись признаться перед собой и перед людьми, не знали, как дальше быть в таких жизненных обстоятельствах. Молчаливое согласие выводило к простору, теплу и свету из остужающей раз-

луки, все в этом родном ласкающем пространстве расставляло на свои места в ясной взаимосвязи.

За рекой виднелись солнечные крыши, парящие после дождя. За белесым жнивьем ржаного поля чернела свежая пахота, подготовленная под озимый сев. На пойменных выкошенных дугах возникали похожие на ручьи полоски тумана, кое-где на опушках озорно высвечивались разноцветные космы осин, кленов и берез...

Воскресным утром весь мир был свеж и пригож — разведрилось не на час. Деревня гомонила и двигалась в обычных простых заботах и радостях осенней поры. Но пробивались, приходили на память бывалым старожилам утраченные интересы.

— Приходи, Алексей Михалыч, горшки бить, — приглашал бывший гончар Петр Павлович. — Может, на пользу. Это намного проще, чем в заботах голову ломать, когда не знаешь, как дальше быть. Не удивляйся, не робей. Приходи, приглашаю душевно взглянуть мое давнее ремесло. Не откажись. Художник — наш проектант Григорий — на подходе. Может, кто еще из других деревенских заглянет по доброй памяти.

Так наметилось первое собрание возле крайнего дома, возле него Григорий собирался этюды писать — содержательным казалось место, даже стихи вызывало.

— Захлебнулся травой заулок, след тропинки отыщешь не вдруг... Дом бревенчатый с крышей покатоной... Раньше был он в деревне десятый, а теперь вот стоит на краю...

По задумке хозяина втроем осматривали застарелый дом. В утреннем сумраке сеней молча осмотрелись. Некоторое время держались рядком плечо к плечу, словно не ведали, в какую сторону вместе идти. Григорий даже вспомнил скульптурную композицию “Сильнее смерти” — как же, все-таки историю искусства изучал. Конечно, в старом доме полезно стоять рядом с дедом, крепким, уверенным и знающим себе цену.

— На просторе хозяйничаю, — говорит. — Благоверную вызвали правнука нянчить. Скупаю вторую неделю. Жена не балалайка: поиграв, на стену не повесишь.

Сквозь узенькое оконце прорвался из-под уходящего облака пучок яркого света. Выпрямив руки вперед, дед продвинулся вдоль стены, нащупал дверь в прируб и решительно, молодецки распахнул. С наклоном в упрямой решительности метнулся туда через высокий порог, схватил там с ларя две синеватые корчаги.

— Эти звучного обжига, бодро звенящие, а непригодные, выходит, нынче в хозяйствах никому не нужные. Сработаны были добротнo, а пылятся который год. Принимай через порог — да об пол обе для музыки! — старик расставил ноги, отодвигая другие посудины.

Алексей насторожился, не смея за порог шагнуть, остановило вдруг неожиданное предложение — в детстве соглашался, когда дядя Петя поручал расколотить браковку, а тут товарное звонкое качество. Григорий тоже не смог бы. Старик размашисто раскачивал новенькие корчаги, определяясь, с которой руки в первую очередь грохнуть, чтобы разлетелись черепки звенящие, но хитровато ждал ответного настроения.

— Не надо. Ничего разбивать не надо! — древний дом услышал возражение.

На прошлой неделе в одиночестве старик нахлестал черепков слишком много — хватило на облицовку маленькой печки, еще и в запас осталось — выбрасывать жаль, может, кому пригодятся осколки, объявляются иногда сообразительные хозяева.

— Чего ты, Михалыч, сказал-то? Повтори для глухого.

— Не надо, говорю. И корчаги будут нужны.. Надумаем корчажное пиво варить.

— Та-ак, пригодятся, значит. Не все развеяно, не все забыто в бесхозности. Про свое родное, думаешь, вспомнится еще, — медленно говорил старик. — Значит, пригодится работа моя забытая. Значит, и сам придон еще по уменью и памяти. Вот чего услышать хотелось давно. Каждую осень горшки собственной работы расколачиваю, а остановить толково никто не мо-

жет. Слава богу, дожил до вашего возвращения. Ну, наконец-то, долгожданные спасители!.. А для чего нынче корчаги такие? — лукаво спрашивает Петр Павлович, довольный возможностью для продолжения разговора.

— Свадебное пиво сварить, чтобы всем хватило.

— Про свадьбу подумалось. Ой, славно, ребята. Хорошо бы на свадьбе и горшки мои колотить, чтобы звенело над сонной округой! Давно не звенело без невест, парни от земли разбежались, горшки мои какой год пылятся. Так подумалось радостно: для начала две свадьбы на три деревни отгулять бы... Одну на левом берегу, другую — на правом. Елисей тоже мечтает, гармошку вчера опробовал — не разохлась ли.

Молодые понимающе переглянулись — старик это заметил и с надеждой оценил. Покачиваясь и слегка пританцовывая, прошел между рядами давно расставленной глиняной посуды, осторожно поднял на высокую полку те самые корчаги, которые только что предлагал превратить в черепки. Горделиво поворачиваясь, оглядел свое “богатство” — горшки, плошки, кринки, кувшины, бочонки для масла, сработанные в разные годы без заявок, а просто в память об отце. Получалось так: лишь изредка, в особо трудные минуты, вспоминал отцовское ремесло, готовил глину, садился за гончарный круг и поднимал, выкручивал какую-нибудь посудину, чтобы побороть печальные думы.

— Ремесло на разумение и терпения ремесло, — тихо говорит Петр Павлович, облаживая аккуратную бороду обеими руками. — Отсюда на свет выбираться надо, чего мы тут сумерничаем, доброе утро на дворе. Вспомнилось, поделиться хочу.

Через сени в просторную избу перешли. Подметено, прибрано. Стулья возле семейного стола, на нем салфетка вышитая, в центре — графин с водой светится. На окне кустик герани зеленеет, на другом — столетник разлапистый. Передний простенок украшен красным плакатным календарем юбилейного года. Возле него отчетливо шагает маятник больших часов, защищенный деревянным футляром. Слева на переборке кнопочками закреплена свежая газета “Сельская жизнь”, над снимком шеренги парней; через всю полосу заглавие “Деревня без невест”.

— Читали, нет ли? — хозяин спросил. — О житье вокруг столицы пишется, а запевка от вятской стороны — два внука наши там. От своей пашни поневоле отклонились многие. По какой причине? — каждый свой ответ находи. Я про свое личное скажу, ребята. Так оно было. Передраги начались для всякого свои под общий перекоп... Стою, значит, смело без трибуны перед комиссией. Чистка партии... И в моем направлении накат придуман. Отчитался честь по чести о своей работе. Требуешь автобиографию. Биография трудовая, боевая. Сам председатель колхоза, как-никак для общей пользы впереди шел. И вот на тебе, жуткий гром среди ясного неба. Заглавный спрашивает: “А вот на нашем месте как бы стал поступать, если коммунист скрывает, что отец у него кулак, исключен был из колхоза?” Вон тут что, думаю. Подстраховался, обдумавши ляпнул по примеру других “Такого исключил бы. Так воспитаны с малых лет и на том стоим”. В молчанку поиграли. Потирают руки комиссанты. “Вот мы сейчас это, хотя с опозданием, сделаем, — говорит главный, пощипывая мочку обвислого уха. — Ваш отец был исключен, а вы скрывали, значит, обманым путем пробрались на ответственную руководящую должность. Исключаем, вот и все, можете быть свободны”. Тогда и покатило по миру отстранённого элемента. Выживал кое-как. Бывало, и за горшки мытарил. Придут, пересчитают, перебыют половину. Не могли — не было указания.

— Время такое было. Это правда. — Алексей знает судьбы местных жителей.

— Правдой таких не пристыдишь. Будто не страшит чертополох подступающий. А людям наперед чего ожидать, когда на виду слабнет государство. То-то и оно. — Дед говорил тихо, с паузами — не хватало слов на то, что давно болит. — Люди рождаются, когда дома плачут... Ладно, ребята. Не горевать пришли. Кто малым доволен — у Бога не забывает. На то и воскресенье: покрутим с музыкой в палисаде — полегчает на душе.

— Раньше в избе возле печки крутили. — Григорий поддержал задуманное.

— Некогда печку разогревать. Тихое утро сегодня. А музыка — в распахнутое окно. Внучка магнитофон привезла. Говорит, один-то не скучай, дедуля, любимые песни слушай, пока бабушка у нас гостит... Ну-ка, Алексей, пусти мелодии на подоконнике.

Пока выходили, магнитофон едва слышно сказывался: “Утро туманное, утро седое...” Мастер вспомнил давнюю пору — морозный декабрь сорок первого года, сухо кашлянул и тут же заговорил о предстоящей зиме, обратил внимание на запас березовых дров под навесом, признался в желании справно пережить несколько зим, надо бы дотянуться к началу нового века — любопытно, недалеко вроде бы, чертова дюжина лет. Запись, подготовленная внучкой, уже раздольно напоминала не только деду: “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек”.

— Показывай, Павлович, свой промысел. Есть часок-другой. — Алексей понимает старого мастера — утешение требуется: не ради забавы готовился человек, наивная задумка смысла полна. — Приглядимся к ремеслу возле тебя.

— Раньше безделья стыдились. Теперь только и слышно от старух про дочерей: работу нашла — при кабинетной двери сидит, а денежки текут. В новой моде стали жить-поживать. — Старик отшутнул куриц за ограду, назвал их надоедливыми и продолжил придирчивое рассуждение по накатанной колее. — Так и привыкают. Другая привычка все переносит. Отвыкнешь — помрешь. По себе знаю, по холодам северным. Ой, спина-то опять. — Петр Павлович пытался погладить поясницу. — А ладно, разогреется. Вон, пчелки шустро промелькивают, расшевелились в дружной заботе. Ну-ка, и мы на них глядя.

— Старики еще верят, что всякое дело всерьез, — тихо сказал Григорий только для Алексея, чтобы лишними словами деда не отвлекать. — Сам стихийно живу — под настроение на каждый день. Этюды, грузди, горшки — для начала. А дальше?

— Не спеши. Что-нибудь получится. Был бы интерес без выгоды.

— Не спеши, говорю, не спеши, — ответно прочитал Григорий. — И поймешь, осененный слезою, — кто-то должен курлыкать в глуши...

На взгорке прострекотали наперегонки два мопеда. За перелеском перекатывались волны автомобильного шума — с утра сновали грузовики по федеральной дороге между областями. Но в стороне от большака во всем был виден, чувствовался драматизм длительной несправедливости: обманута провинция, ограблена. За что же она может уцепиться для дальнейшей жизни? — так думал проектант.

А старого мастера греют воспоминания о былых возможностях. На луговине возле дома все припасено по задумке: кадушка дождевой воды под клеенкой, круговертя старая подколочена и почищена, тряпки с вечера размокают в корыте, глина отдохнула под рядом, выстрогано свежее чертильце, похожее на сапожный нож, проволочная струна-подсечка при новых ручках-держалках на доске висит, низкая скамья возле ограды, на ней два заскорюзлых фартука и рукавицы — расклад необходимый. Готовность мастера, аккуратную и праздничную, Григорий сравнил со своим порядком в проектном бюро.

Спокойствие и тишина. Приглашенные нетерпение выказывают, а Петр Павлович волнуется — сомнение было: неужели башковитый директор не справится со вторым заданием — не выстроит кринку из приготовленного, промятого до сдобности комочка глины? Тут ведь как — вроде бы просто: подталкивай круг ровнее, чтобы шел без рывков и качанья, ласкай заготовку, пальцами от середины надавливай стенку до тех пор, пока не услышишь, не почувствуешь, насколько тонка она, и тяни кверху, придет момент — щепотью шейку выкатывай.

Прошлый раз затевали пробу вертеть, наспех собрались-то. Не ахти какой, но ведь получился горшок. После обжига и позванивал ничего. Александра Смирнова радовалась, прибрала на память. Вот и ладно: горшок с ав-

тографом. Весело ей в тот день было, все твердила: “Начинай, начинай, не трусь, Алеша. Не боги горшки обжигают, а новые руководители, потому что молодые, местные, отсюда родом!” Тут вот, под навесом, на солону Алексея столкнула. Он кричал весело: “Погибаю! Тону!”. И любой другой так тонул бы, радовался — милые да надежные Шурочки нынче встречаются редко.

Приготавливаясь к привычной работе, Петр Павлович тщательно устанавливал гончарный круг, чтобы стоял не шатко и чтобы свету было достаточно — передний нужен свет или чуть сбоку, но без теней из-под руки, а то обманчиво будет. Между тем волнение укладывалось, старик обретал спокойствие и ровное дыхание, даже частушку сказал: “Ах ты, милая моя, чем ты недовольная? У нас и мельница своя, своя и маслобойная. А придет пора привольная — сапоги начну тачать. Уютно хочешь зимовать — могу и валенки скатать. Не какой-нибудь я модник — откую и сковородник”. Бороду гребешком оправил, очки бечевкой подвязал, чтобы не сбивались, обзор не меняли, заскорузлый фартук обхлопал и взглядом определил, высоко ли солнышко. Но задуманное не начинается, присматриваясь к настроению парней, хочет заглавной темы коснуться — случайно будто бы поспешив вспомнил: “Женитьба — не напасть, женатому бы не пропасть”. За реку поглядывает с пояснением: “Куда сердце летит, туда око бежит”. Можно подумать: по старухе Матрене скучает — недалеко уехала, в няньки по вызову, окликнуть некого. Он еще в избе обозначил семейную расстановку: муж — голова, а жена — душа. Не всякую правду жене и раньше сказывал, а теперь признался бы, что на хорошей свадьбе погулять охота.

— Сообщит Матрена Ивановна день приезда — обязательно встретим. — Алексей повторил накануне данное обещание. — Заодно тетку Павлину в райцентр доставим — дочь Людмила приказала.

— Вот бабы! — взъерошился старина. — Покоя от них нет. Павлина везде прилипнет. А мужики пригляделись: много сваталось, да не один не взял. Сама вертка и дочка така. Только бы кататься за счет других. Людка еще в малолетстве ловчила. По ягоды с нашими пойдет — ленится, они по доброте помогают. Приспособилась: не столько наберет, сколько съест. А без помощи окажется — на свой манер чайник наполняет. На дно травы пучок, поверху ягодами присыплет, чтобы деревней гордо пройти — глядите, тоже полнехонько набрала. Такая ловкая, уже двух мужиков обчиркала. И теперь, сказывают, все дела ее показательные в учетной конторе: кошны — бумаги вранья полны, а сверху — премиальные получают по тактике начальства. — Удивил гончар “выходом” за пределы своего палисада. Того гляди, дальше региона может пройтись.

— Тактика под стратегию. — Григорий повторил определение коллеги Сыромятникова.

Петр Павлович будто не слышал — от малого до вселенского заботы хватает не для старческого брюзжания, утром признался, что до восхода солнца думал, как дальше жить...

— Тонкое наше дело — звонкое. Слышали про мейсенский фарфор? Знатное дело имеет свой звон. После обжига наша кринка, на вазу похожая, тоже зазвонит. Всякий мастер при своей мелодии. Песня сама приходит делу в лад. Алексей Михальч, тебе начинать. — Обращаясь к директору, дед уточнил даже: — И здесь твое слово первое. Серьезный план имеешь, ты — хозяин, в ответе за результат. Какое заглавие сделаешь, так и другие поведут: люди на руководителя чутки. Вот тебе другой письменный стол, — старик легонько хлопнул белесой ладонью по кругу. — Садись, рисуй смелей, но прилежно, сегодня в первый заход получиться должно. Глину проверь, к руке приласкай, она слабую руку не любит.

Алексей знает, недавно пробовал. Теперь можно смелее. Взял ком глины, качнул, определяя вес. Размахнулся да и ударил по доске этим приятным комом — чохнуло смачно. Прошелся по лепешке согнутыми пальцами, прощупал — да и давай мять, будто тесто. И хотя готова была глина сдобная, ласковая, из-под росы взята, а подход свой, понимание свое показать следовало — пусть радуется дед: не забыл ученик первый урок... И песню повторить можно, чтобы радовалась дедова душа тем, что помнят его пение: “Во солдаты меня мать провожала...”

— Силы твоей много, моя ослабла. — В глазах гончара печальная зависть. — Теряется год от году, только азарт не угасает. Да песни вот помнятся. Давай, веди по-своему, теперь под меня подстраиваться не следует. Начни личным почерком по чутью — пойдет, ты способный. — Он еще раз проверил заготовку. — Глина у нас медовистая, послушная. Только лови обороты. Постучи, постучи по теплой глинке! Не забыл? Вишь, пошло как следует. Для зачину ямку сделай. И еще добавку приправь, кромочки терпеливо наращивай. Держи по духу и гордости. Не волнуйся, Шурочка еще не подошла, она догадливая, с выдержкой, смущать не станет.

Старик топтался около, руки беспокойные касались бегущего круга, но глину трогать не смели. Вовремя подсунул он тряпицу-полизено. И заскользила рука Алексея по глине; другая, как велено, давит чуткими пальцами растущую стенку. Ладно крутится гончарный круг, подходящая скорость вращения. А под рукой теплеет послушная глина. Сама ластится теперь. Вроде бы не сосуд растет, поднимается, не кринка задуманная, а что-то необыкновенное, невиданное, будто у этого сосуда есть гордая душа и своя выправка. Ладонь по этой выправке нежно тянет-выстраивает перехват-талию, как раз подходящую для Шуриных рук. И выше выстраивается вздыхающая грудь... Это сама фантазия линии ведет! За ней пойдешь — не покаешься.

Алексей глянул на мастера и понял одобрение. Григорий тоже оценил удачу: казалось, новорожденный сосуд влажно светится радостью, будто живой, оглядывает окрестности, готовый предстать невиданным перед каждым заинтересованным взором.. Гордится, пыжится и щеки раздувает, вроде бы щечка одна пышнее, оттого и выглядит творенье улыбочивым. Все, чему даешь душу, улыбается особой тайной асимметрией, имеет это самое “чуть-чуть”, свойственное искусству. Так в живописи, архитектуре, скульптуре. Приподнял древний скульптор один бивень грозного слона — и динамика устрещающая появилась. Кувшинчик или ваза тоже при своей содержательной динамике должны быть. На то издавна придумана технология творения.

— Хорошо, изящно выстроилось. — Художник оценил. — Эту вазу в кувшин превратим. Рыльце случайным движением намечено — видно, где вытягивать. И ручка к завязи как раз впишется... Когда с душой — легко пишется...

— Вишь, и этот заговорил. Тронуло за сердце? А теперь, сынок, сам настраивайся.

— В мастерской худфонда пробовал — вроде получалось.

— Не худ, Фома. Садись ловчее. Образование имеешь, не мне тебя учить.

И пошло, пошло нарастающее вращение. Проторенной технологией ритм определен, а руки подчинялись командам воображения. Сам себя не чувствовал, словно музыкой таинственной очарован. То скрипка плачет, то свирель зовущая поет. Встряхнулся даже, чтобы сосредоточиться. Первоначально виденные движения других повторял, а дальше своей чувственной канвой тянул податливую скудель — выстраивалась ласкающая нежностью форма. Но обманулся, утратив чувство меры. Упало, смазалось творенье.

— Ишь, торопливый. В тонком деле без выдержки нельзя.

Пришлось под терпеливым наблюденьем все с самого начала пройти. Не спешил, прислушивался — мамины песни вспоминались: “Укрывает инеем землю добела, песней журавлиною осень проплыла...”, “На муромской дорожке стояли три сосны...”.

— В этот раз и ты плавно прошел до самого верха. — Алексей оценивал по своему скромному опыту объективный результат. — Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник...

— Когда получается, себя осознаешь. Душа, значит, есть. Человеком быть приятно. — Григорий смотрит на только что созданный глянцевый сосуд, представляет его закаленным и под маслянистой обливкой... Из такого в детстве тетка Глафира угощала молоком — нравилось, еще и приправивал: “Пля-кли” — прямо из криночки, значит. Думалось, если получится еще один такой, пусть красуется перед учительницей. Пожалуй, и третий нужен — для сына, ему, Олежке, понравится.

— Молошник проглядываешь? — угадал мастер. — Только понижее его, поосанстей поднимать-вытягивать надо, приземистее. Срезай-ка эту первоучину прищельно по днищу.

Григорий берет струну. Круг вращается медленно, шороха даже не слышно, вот-вот остановится — и тут момент лови.

— Не запаздывай, — подсказал гончар. — Чувствуй круг, походку его учитывай. Туго натянутая струна скользнула под круглым доньшком — и начала глина, взятая из-под росы на склоне возле родника, самостоятельную жизнь в новой форме.

— Гляньте, ребята, на свои часы. Не долго ли мы тут?

— Девять без четверти. — Алексей говором подстроился к деду. — Почин всего дороже. Один круг завертелся. Другие бы раскрутить...

— На будущее кое-что обозначено. Нам без круга своего житье не наладить. Так же в кузнице начинали. Спасибо, слушал старика, не артачился. При навыках ловчее живется. — Старик щурит глаза, оглаживает бороду и воротник рубахи выравнивает — достоинство свое подкрепил выправкой и степенностью речи. — А получился наш круг!

— Нынче начинать приходится с круговращения, чтобы человек стоял в центре. Россия вся — заповедный круг. А верхогляды выхватывают выгодное, будто дальше хоть трава не расти. — Алексей в неохватную даль отсюда смотрел через леса окружные. — Провинция на тыщи верст. А что с ней сделали? Брать — брали, а вкладывать? Черная дыра, говорят, нет перспективы, напрасные потуги квасных патриотов.

— Стыд и совесть утрачены в переделках нынешних. — Дед повторял много раз сказанное. — Чем жили раньше — изругано, обсмеяно.. Кто выкрутасы такие творит, сам к покаянию призывает. Это нас-то, без вины виноватых, обманутых сколько раз. Ловкачам на человека плевать. А ты к старику, Алексей, пришел с вопросами, совета спрашиваешь. Понятно, не временщик. Перебывало тут у нас всяких перелетных, распинали нажитое.

— Народ разуверился. Менталитет теперь такой. — Не хотел Григорий слово такое, деду непонятное, произносить, да выскользнуло по конторской привычке.

— Легче менталату не стало, — не сумел выговорить Петр Павлович чужое слово, смутился и — к своей заботе: бережно приподымает свежую поделку, будто прозрачная она, хрустальная, свет вокруг нее искрится. — Для чего-то старались. чудаки... Не праздник ли какой у нас, слышу, под горой брат Елисей сказался вздохом гармонии... Думы по сказке продвинулись: вроде даны мне три воли — выбирать для всех полезную.

— Был бы смысл, выбрать можно, жизнь подскажет, что важнее всего...

— Радио утром вещало. Как это... меня томила, мучила и?..

— Более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла, — Алексей повторил слышанное на рассвете в передаче "Земля и люди", показалось ему, что рядом кто-то еще произнес такие же слова, за перелеском их подхватило эхо.

— Слышите, ребята. — Мастер тоже в неохватную даль глядит. — Округа окликает: заповедано вам, заповедано по любви... Не только грибки да горшки. Сам гончарный круг, бывлые угодыя — всё наше вам. Всё на одном круге: Земля, Доля, Совесть и Честь...

Нехитрые посудины скудельные сотворили, а поди ж ты, разволновали они, широкие думы в мечту потянулись: вот бы здесь заводик, а там карьер, и дорогу пробить к магистрали. Хозяйскими разговорами начали дополнять друг друга. И казалось им, что еще не всё порушено, заботой общей, порядком житейским, верой да надеждой люди постепенно окрепнут. Размечтались. Сидят наивные чудаки возле гончарного круга плечо к плечу, хорошо им втроем возле остатков утренней деревни под солнцем, будто все родительские и свои невзгоды перемолотили. Но для каждого печаль осталась. Как быть, на каком берегу определяться, с чего начинать? Вот поспеет на круте новая завязь из той глины, что возле родника взята, руки и душа почувствуют ее в центровом движении, будто саму землю-матушку ласково оберегут ладонями, тогда опять на время отступит печаль, высветлится взгляд старого мастера, прошедшего свой путь через передряги.

Природа вокруг цветисто радостью трепещет... И гармонь старинная чистым голосом по высокому берегу движение обозначает — идет брат Елисей к брату Петру, чтобы еще раз, глядя друг на друга, подивиться: слава Богу, вместе опять, выстояли, не потерялись... Неравнодушному человеку, способному живописать, дарована мысль о портрете гончара на фоне просторного пейзажа: пойменный луг, синева заречного бора, за грядой берез новые дома на высоком берегу и подвесной мост над едва заметной рекой. Можно написать даже по памяти, содержанием сверстается композиция, определится свет и колорит “заповедного круга”. От первой поделки скудельной замысел прорастал.

— О горшке загадку вспомню. В свой срок сыновьям загадаете. — И это Петр Павлович предусмотрел. — Взят от земли, яко Адам; ввержен в пещь огненну, яко три отрока, — начинает мастер пересказывать по жизненному смыслу. — Посажен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко Иосиф; куплен женою за медницу, поживе тружеником в огне адском и насадиися; облечен бысть в пестрые ризы и нача второй век жити; по одряхлении же рассыпая, и земля костей его не приемлет. — В горле запершило — прокашлялся. — Вот как мудро было в давности наговорено. Можно иначе про тот же горшок: родится — вертится, растет — бесится, помрет — туда и дорога.. Похоже с человеком. По одряхлении рассыпшемся. Сыра земля примет. А душе — особый путь..

Держит старика мечта дожить до начала нового века, пройти широкими улицами по всему Заречью, вдоль былых деревень, поставленных неспешным разумением вдоль реки. Строились по своему уму. Не глядели на то, что чужие советники скажут. Самостоятельные, смелые были мужики. Вспоминаются еще рабочие чудные люди, таких теперь чудаками называют. Вроде бы целый народ в чудаках — был чудный мастер, да дыра в горсти оказалась. По совести делали почитаемое полезным, однако и после побед над врагами приходилось много лет на своих землях страдать, юдоль получалась печальная, подрезалось поколение за поколением. А бывало, а бывало...

И еще раз удивил старина воспоминаньем о праздниках — прочитал очень давние строки: “И в праздник вечером росистым / Смотреть до полночи готов / На пляску с топотом и свистом / Под говор пьяных мужиков”.

— И праздники утрачены. Тарабарщиной слух забивается. Иногда снится, будто бы иду по всему Заречью новой широкой улицей и слышу раздольные песни над полями...

Сочувственно и терпеливо слушали рассуждения мастера о возможных желаемых переменах к лучшему — авось, пригодятся тогда корчаги — пивное сусло для свадьбы варить: одна больно хороша двухведерная, в чулане стоит, ходочек сверлен, штырь с петушком выстроган. “Справная такая, не обхватишь” — он руки широко развел. От жеста этого и взбодрился, щеки разругмянились, будто стопочку принял, усы топорщатся, плечи качаются под сокровенную мелодию. Что с ним происходит? Тапочки сбросил, ноги босые пытается — послушны ли, того гляди, камаринского выделывать начнет. Есть в нем, не выветрилась еще такая струна. Грудь — колесом, голова — в горделивом подъеме, локти кверху — крыльями. Будто дитя, мелкими шажками семенит по мягкой отаве. Туда-сюда прошелся, взглядывая на заречный простор. Кого-то углядел там — радуется:

— Надумали все-таки. Вместе идут за гармошкой, легки на помине. Школьники при них гурьбой. Хорошо денёк начинается. Люди — к нам, идет подкрепление. Всегда бы так. Смотрите, шествие какое! В нашу сторону детей ведут. Это Аннушка Кузнецова да Шуручка Смирнова — две невесты на всю округу... Пора девичьи фамилии менять... Здраво определяю, не ошибаюсь ли праздничным настроением? К нам ли они медленно так? Засомневались разве: тут ли мы... Надо бы сказать. Чего-то магнитофон зати. Ну-ка, Алексей, настрой песню для человека, он там проходит хозяйном родины своей...

*Поздравляем нашего постоянного автора с 75-летием!
Здоровья, крепости духа и ярких Вам строк,
дорогой Михаил Фёдорович!*